

Юрий ЛИННИК
г. Петрозаводск

ВЫБОРГ

III. ВЫБОРГСКИЕ АНТИНОМИИ ФЕННОМАНИЯ? GERMANOFILIA?

После Столбовского мира рубежи Швеции значительно продвинулись на Восток – и Выборг стал внутренним городом. Его пограничное значение было утрачено навсегда. Так перемена смотрится на политической карте. Но хочется сказать о том, что есть ещё и картография сущностная – надфизическая или метафизическая. В этих измерениях Выборг предстаёт нам как самый что ни на есть пограничный город.

Во-первых, нигде больше на наших нынешних землях Запад и Восток так тесно не сходятся друг с другом, как в Выборге. Для истории крайне важна эта контроверза: с одной стороны Стокгольм – с другой стороны Новгород.

В Выборге две цивилизации столкнулись и напругую, и ментально.

На окрестных территориях нам явлена их интерференция.

Именно интерференция, а не безличное смешение! Реалии разных культур и вероисповеданий пронизают друг друга, обычно не сливаясь, но образуя сложный динамичный узор.

В шведских семьях слушали саги, в карельских избах звучали руны.

Лютеранская кирха и православная церковь могли оказаться в охвате одного взгляда.

Во-вторых, Выборг способен инициировать ощущение, что он притянул к себе не одну, а сразу множество границ: рядом и Дания, и Германия, и Балтия.

Эти невидимые границы закрывались разве лишь в советское время.

Разнородная информация проникала в город свободно.

Выборг принимал всё – толерантность была изначально соприсуща ему – он любознателен, гостеприимен, великодушен.

Город-космополит, город-полиглот!

Стягивая разноплановые влияния, Выборг создаёт почву для причудливых сочетаний, парадоксов, антиномий. Вот характерный пример: будучи исторически связан со Швецией глубже, чем любой другой город Суоми, веками напитываемый свейским духом, именно Выборг стал родиной фенномании в её наиболее активной, политически окрашенной форме. И тут ещё очень существ-

вен – как сие ни странно – французский привкус!

Зачинателем стало Выборгское студенческое землячество. В 1845 г. оно пыталось зарегистрировать устав, в котором отчётливо звучали якобинские ноты – прямое влияние на юных националистов оказала революционная Франция.

Й. Снельман и З. Топелиус высказали своё смущение. А власть просто наложила табу.

Выборгская просвещённая молодёжь увлеклась переводом на финский язык французской либеральной литературы. Финал печален: введение строгих цензурных прецедентов.

Это понятно: фенномания – и консерватизм. Но фенноман-революционер – это новшество для тех лет. Сегодня радикальный национализм стал обычным делом. Мы вправе сказать так: выборгские студенты лихо опережали время.

Финляндия не была задета культом всего галльского – однако именно на французском языке Александр I произнёс своё знаменитое «*notre constitution*» – пообещал сохранить старую Конституцию.

Скорее Финляндию можно заподозрить в определённой германофилии. Это обусловлено решением страны пойти за Мартином Лютером? Надо принять во внимание и то, что соседи финнов – шведы и норвежцы – являются германскими в своём генезисе народами. Два аттрактора – западный и восточный – никогда не находились в состоянии паритета: первый довлел над вторым. Это предопределило конечный выбор Финляндии. Окрепнув и осознав себя, она круто повернулась спиной к России – и стала западной, безусловно западной страной. Духовное притяжение Германии имело тут решающее значение.

Финское кантианство!

Финское шеллингианство!

Финское гегельянство!

За этими темами стоят яркие люди, формировавшие стиль национального мышления.

Выборг был главным транслятором германских влияний. Вот антиномия, чьё напряжение не падало в Финляндии почти весь XIX век: какой язык избрать в качестве государственного – немецкий или финский?

Означилась эта антиномия в Выборге.

Два выборжца – Й. Юден и Й. Стрельман – положили начало строго научным исследованиям финской грамматики. Оба видели коренной язык страны в статусе государственного. Однако их земляк Л. Пургольд убеждённо выдвигал на эту роль немецкий язык. Выборгские прения скоро стали общенациональными. Альтернатива сохранялась долго, но постепенно отодвинулась на задний план. А в центре внимания – и прецеден-

та мы не знаем нигде в Европе – стал родной язык. И не только в аспекте его сохранения или пропаганды, а прежде всего в плане развития и формирования. Имевшееся в наличии надо было довести до кондиции, научно осмыслить и организовать, усовершенствовать.

Заложенное Микаэлем Агриколой ещё в XVI веке как бы вышло из-под спуда.

Потенциальное всколыхнулось!

Это был захватывающий, не знающий аналогий процесс.

То, что у других народов происходило спонтанно, занимая столетия и тысячелетия, Финляндия проделала в небывало ускоренном темпе. И совершила она это под водительством филологов, которые не просто описывали язык, а деятельно работали с ним как с прекрасным, но сырым материалом.

Эту филологическую работу – продукт не народной стихии, а кабинетных штудий – благодарно приняла целая нация. Беспрецедентное явление!

Не будет преувеличением сказать, что великие усилия, направленные на доводку до блеска финской речи, вдохновлял германский гений.

Культе языка у немецких романтиков!

Пиетет перед филологией!

Всё это на финской почве взошло ещё пышнее, чем в Германии, переросло из теории в практику, стало зиждательным деянием.

Финны легко усваивали и шведский, и немецкий, и русский языки. Порой переходили на них. И вдруг – озарение: сколь чудесна родная речь! Вчера она не замечалась – как воздух, которым дышишь.

И вот на неё словно упал волшебный свет!

И она заиграла неожиданными красками!

Это открытие собственного языка – и коррелирующий с ним рост национального самосознания – всецело связан с 1809 годом.

Когда возникла Финляндия?

Сам топоним очень древний, но где-то прав З.Топелиус, когда утверждает: Финляндия как субъект – как целостный, чётко отдифференцированный от окружения социальный организм – родилась в 1809 г. Первоначальная пора её существования – время закладки осевого, стержневого. Сказанное тогда было внове – и звучало программно: наперёд – на долгую перспективу.

И потому запечатлевалось в душе народа навсегда.

Внедрялось в неё!

Вот в 1811 году в университете выступает маститый профессор А.Й. Лагус – опираясь на категорический императив И. Канта, он говорит о необходимости национального самоопределения как о *долженствовании*.

Надёжная опора!

Это замечательно: природная совестливость финнов получает ещё и подкрепление в кантовской этике – поверяется ею, обогащается дополнительными гарантиями порядочности и добродетельности.

Призыв А.Й. Лагуса действует и прямо, и суггестивно: «*Помните, что вы финны!*»

Мы – финны!

Ты – финн!

Я – финн!

Немецкая классическая философия, проводником которой был Выборг, высоко поднимала ценность личностного начала. Трансцендентальный субъект Канта – осознающий Абсолют Шеллинга – «Я» Фихте – Мировой Дух Гегеля: по сути это модификации – зачастую космически и сверхкосмически гиперболизированные – человеческой мыслящей индивидуальности. Пусть опосредованно, косвенно, но этот момент отложился в финском менталитете; или скажем так: он получил поддержку в традиционном для протестантской культуры разумном эгоизме. Возник своего рода резонанс, создавший эффект усиления: уже вошедшее в генотип культуры ещё и освятилось авторитетом великих мыслителей.

Взлелеянное просветителями – и постоянное усиливавшееся и укреплявшееся чувство народного единства имело ту специфику в Финляндии, что не предполагало растворения личности в коллективизме – уходило от нивелира общинного всеравенства и всеничтожества.

Этим Финляндия отличалась от России.

Это помогло ей выработать иммунитет от марксистского соблазна.

Процитируем Й.В. Снельмана: «*В судьбах нации активная созидательная роль принадлежит самому индивиду*».

Гегельянство Й. В. Снельмана возвращало юную Финляндию.

Приведём цитату, свидетельствующую о том, что великий фенноман был захвачен идеей поступательного диалектического развития: «*Национальный дух не есть некая застывшая субстанция, не подверженная изменениям. Он представляет собой результат непрерывной работы, начиная с момента зарождения самого духа. И на определённой ступени развития национального духа рождается патриотизм, поглощающий в себе бытие нации*».

Слава богу, финскому философу не пришлось на ум перевернуть диалектику учителя с головы на ноги – возможность их опрометчивой инверсии увлекла молодого К. Маркса. Идеалистические устои национального мироощущения не были расшатаны.

Марксизм прошёл поверху.

Что касается таких новейших течений мысли, как позитивизм или прагматизм, с характерным для них дистанцированием от метафизики, то они были профессионально освоены и усвоены в Суоми, но не стали – в отличие от некоторых стран Европы или США – мировоззренческой доминантой. Финский здравый смысл хорошо согласовывался с ними. Но не более того! Это скорее поверхность менталитета – дух нации не редуцируется к ней.

Посюстороннее и метафизическое: финская культура не знала острых конфликтов между ними. Германская прививка сделала своё дело.

Выборг отреагировал на немецкое просвещение так же чутко, как в своё время на Реформацию.

Для Финляндии это был город-прогрессор.

Вот о чём сейчас уместно вспомнить: Германия передала финнам ещё и своё преклонение перед античностью – поэтому ренессансный всплеск Суоми окрашен в специфические эллинские тона.

Фенномания коррелирует с грекоманией.

Эта связь очень важна для культуры Финляндии XIX века.

«Охотники на лосей» Й. Л. Рунеберга написаны гомеровским гекзаметром.

Николаевский собор, построенный в Хельсинки по проекту К.Л. Энгеля (1778 – 1840), называют финским Парфеноном. К.Л. Энгель был абсолютным грекоманом. Заметим, что его главное сооружение возводилось параллельно с Исаакиевским собором в Санкт-Петербурге (1830 – 1852) – архитектурно два храма полно и точно рифмуются друг с другом. Это апофеоз классицизма.

В 1842 г. огромное пространство ещё недостроенного Николаевского собора было использовано для празднования 200-летия Александровского университета. Свидетель торжества Я.К. Грот вспоминал: «*Прочие лица заняли при парнасе назначенные им места*».

Парнас в христианском храме?

Необычное словоупотребление – речь идёт о возвышении близ епископской кафедры – напоминает о том, насколько глубоко античность пронизывает ренессансное мышление. И не суть важно, какое и чьё Возрождение подразумевается – общеевропейское (XIV–XVI вв.) или финское (XIX в.).

Уже после смерти К.Л. Энгеля два храма по его проектам были построены в Карелии. Один из них – православная деревянная церковь в Суйстамо (1844 г.) – сохранился до наших дней. К сожалению, колокольня утрачена – хотя этим и обедняется замысел зодчего, но мы можем убедиться: северное дерево способно вторить эллинским канонам.

Другой храм – каменный, монументальный –

был возведён в Яккима (1851 г.). Воплощению в жизнь дорогостоящего проекта содействовал граф Александр Григорьевич Кушелев-Безбородко. Вот пик его блистательной карьеры: *государственный контролёр*. Яккима принадлежала ему. Ревнитель православия щедро вложил в строительство лютеранского храма. Прецедент этому жесту мы находим в соседних Куркиёках – наследники графа Семёна Романовича Воронцова, возведённого в это достоинство и наделённого землями в Финляндии в 1793 г., финансировали строительство деревянной кирхи, которую после пожара сменил шедевр Ф.А. Сёстрема (1878 – 1880).

Огонь в Куркиёках – как фатум. И этот храм погиб от пожара в 1991 г.

Как видим, самые знаменитые русские роды приняли доброе участие в духовной жизни Финляндии. Веротерпимость не просто декларировалась, а получала выход в поступке.

От деревянных построек не остаётся руин, а вот каменные их оставляют.

Сегодня в Яккима можно пережить ощущения, схожие с теми, которые вызываются античными развалинами. Когда-то на них смотрели с равнодушием. Но Возрождение зажгло над ними ореол притягательности. Романтизм усилил его сияние.

В финляндской поэме Е.А. Баратынского «Эда» мы находим строки:

*По дряхлым скалам бродит взгляд;
Пришлец исполнен смутной думы:
Не мира ль давнего лежат
Пред ним развалины угрюмы?*

Эти строки невольно всплывают в памяти возле яккимских руин. Пробуждая чувство возвышенного, они наводят на мысли о рождении и гибели культур, о неодолимости энтропии.

Немец К.Л. Энгель, влюблённый в Древнюю Грецию, строил для Суоми. Намеченные тут связи – если им дать расширенный контекст – помогают понять нечто весьма существенное в том феноменальном явлении, название которого – финский Ренессанс.

Нелишне вспомнить, что грекомания в Суоми сочетала два аспекта: явный культурно-художественный – и скрытый социально-политический. «Песня афинян» Я. Сибелиуса, впервые исполненная в 1899 г., адекватно выразила их единство. Будучи ещё одним свидетельством тяги Суоми к Элладе, она несла в себе вполне определённый гражданский подтекст.

Перенесёмся в это время.

Уже восемь месяцев в Финляндии губернаторствует генерал от инфантерии Николай Бобри-

ков. С его приходом к власти реакция стремительно идёт вверх. Наместник вытирает ноги о финскую конституцию. Спустя пять лет несколько пуль – одна окажется смертельной – в него выпустит Евгений Шауман.

А сейчас звучит «Песня афинян». Слова для неё написал В. Рютберг. Главная тема – вот: противостояние свободолобивой Греции и деспотичной Персии.

Дела былые.

Но у слушателей возникали весьма актуальные ассоциации и параллели.

ШВЕЦИЯ? РОССИЯ?

Финляндия находится в своеобразном диполе: слева – если смотреть на Север – Швеция; справа – Россия. На Суоми зарились и с той, и с этой стороны. Вначале её поглотила Швеция – потом вобрала в себя Россия. Самостоятельность пришла к ней поздно.

Это была как бы осцилляция между Западом и Востоком.

Здесь имеется польза.

Суоми зачерпнула и оттуда, и отсюда.

В славном Выборге раздвоенность, задаваемая этим положением, ощущается со всей живостью и достоверностью.

Два государства-антагониста – Швеция и Россия – взлелеяли финскую государственность.

Конечно, они не торопились с этим процессом – какой там форсаж? Скорее следует говорить о торможении. Тем не менее обе страны, поочередно раскачивая колыбель Суоми, много сделали для её затянувшегося, но в целом благополучного развития.

Поднятые Западом и Востоком, две волны – два конкурирующих влияния – пересеклись в пространстве Суоми. Динамика их взаимного положения запечатлелась в облике страны.

Уникальная ситуация!

Кто дал больше?

Чьи заслуги выше?

Новая Финляндия была слиянна со Швецией почти семь веков (1150 – 1809 гг.). Огромный срок! Под эгидой России она находилась чуть больше века (1809 – 1917 гг.). Но русский период был отмечен необыкновенным ускорением и уплотнением времени. Будто пружину освободили из-под пригнёта! И она стремительно раскрутила свои витки.

Думается, по степени вклада в развитие Финляндии Швеция и Россия – с учётом интенсифицирующего воздействия последней – уравновешивают

друг друга. Хотя подобные оценки, всецело завися от системы отсчёта, условны и относительны.

Что мы берём в качестве критерия?

Если это антропологические параметры, то вот поразительные результаты, полученные современной генетикой: финны по т.н. *FST-различию* одинаково близки и эстонцам, и шведам.

Понятна родственность с эстонцами – два народа принадлежат к одной финно-угорской группе.

А шведы?

Будучи в своём генезисе германцами, они вступили в теснейший контакт с этносом, имеющим абсолютно иные – финно-угорские – корни.

Сколь поучителен пример этого взаимодействия для ноосферы!

Генотипы выравниваются.

Но идентичность этносов сохраняется! И два языка, звучащие в одной среде, избегают смешения. Хотя заимствования наличествуют. И не только на словарном, но и на более глубоких уровнях – так, финский язык среагировал на некоторые синтаксические структуры шведского языка: предложения иногда строятся по заимствованным моделям.

О Финляндии хочется сказать так: *страна-билингва*. В ней гармонически сосуществуют, не признавая никакого межевания, резко различные языки. Есть ли аналоги в Европе? Разве что Австро-Венгрия. Но там финно-угорское и немецкое всё же были сильно удалены друг от друга как пространственно, так и духовно.

Й.Л. Рунеберг писал на шведском языке. Его считают великим финским поэтом. 5 февраля в Финляндии – день Й.Л. Рунеберга.

Как бы провидя деяния Э. Лённрота, швед К.А. Готлунд высказал в 1809 г. мысль о том, что финские руны могут быть собраны в единый эпос – учёный говорил о новых «Илиаде» и «Песне о Нибелунгах».

Первую монографию о финской народной поэзии написал опять-таки швед Х. Р. Шрётер.

Финское и шведское образуют в Суоми сложный контрапункт. Это как бы отлаженное двухголосие. Но случалось, что один голос хотел звучать громче другого – тогда возникали *фенномания* (культ финского) и *свекомания* (культ шведского). Это крайности. Между ними было напряжение. Но оно не приводило к вражде. Эксцессы внутреннего национализма, столь характерные для России, когда – скажем к примеру – москаль и хохол живут на ножах, исключены для Финляндии.

Была не рознь, а скорее соревновательность. Диалог, а не противоборство! Обе стороны выявляли, рефлексировали, подчёркивали специфику своих культур. От этого выигрывала Суоми как

целое. Родилась единая культура, в которой одно от другого уже нельзя было отпрепарировать – финский уток и шведская основа образовали крепкую и красивую ткань.

Да, Финляндия хотела отделиться от Швеции – но внутри Финляндии силы разрыва отсутствовали. Это поучительно: и фенноманы, и свекоманы ратовали за независимость их общей родины – полемизирующие друг с другом партии обнаруживают здесь похвальную солидарность.

Своеобычным храмом свекомании стал знаменитый «Зал викингов» в здании студенческого землячества Уусимаа. Интерьер воссоздаёт романтическую атмосферу варяжского прошлого. Ею охотно дышала и шведоязычная, и финноязычная молодёжь. Свекомания имела тот позитив для Финляндии, что укрепляла её в европейской ориентации – помогала стране повернуться лицом на Запад.

А как же Восток?

Вот ещё одна антиномия: бурный неостановимый рост национального сознания – и навязчивая, бестактная, неумная, заведомо обречённая на провал русификация. Она усилилась – перешла всякую меру – на исходе XIX века. Россия содействовала – и Россия тормозила.

Печать противоречивости лежит на имперской политике в отношении Финляндии. Нельзя сказать, что Финляндия взяла себе суверенитета сколько хотела, но его было непропорционально много по сравнению с другими частями Империи. Не хочется прибегать к понятию дискриминации, но факты говорят сами за себя: русские не обладали в Финляндии правом избирательного голоса – не принимались на военную службу – не имели своих школ.

Отрыв от России готовился долго и методично. И разве эта тенденция встретила сильное сопротивление? Когда спохватились, то было поздно: история создала благоприятнейшие условия для того, чтобы Финляндия катапультировалась из агонизирующей Империи.

Но давайте о позитиве!

Он был.

И след его ярок.

О пулковском геодезисте Александре Ярнефельте пишут так: «*Финн шведского происхождения*».

Великолепная формула! К ней можно придираться чисто биологически, но она отражает реальность, весьма и весьма значимую для Суоми.

Пятнадцатилетие Елизаветы Клодт фон Юргенбург, племянницы прославленного скульптора, было отмечено балом. Там в Елизавету влюбился Александр. Мать-баронесса не возражала против брака – ей понравился «*холодный сухой швед*».

Обратим внимание: схожий набор эпитетов употребляют славянофилы, когда говорят о западном человеке. Устойчивый штамп!

В 1863 г. семья переехала в Выборг.

Там родился Ээро Ярнефельт – великий финский художник.

Другие сыновья тоже внесли фундаментальный вклад в культуру Суоми.

А дочь Айно стала женой Яна Сибелиуса.

Основанный Елизаветой Ярнефельт литературный салон пропагандировал фенноманию. Его называли гнездом «идеи финской самостоятельности». Тем не менее мерило духовных ценностей там искали в России.

Выдающийся писатель Арвид Ярнефельт был близок толстовству.

Живопись Ээро Ярнефельта преломила опыт Исаака Левитана и Архипа Куинджи.

Русско-финские культурные связи разнообразны и результативны.

Гельсингфорс и Санкт-Петербург: творческая перекличка этих городов на рубеже XIX – XX столетий – впечатляющая черта серебряного века. Отталкивание от России в Финляндии антиномически сочеталось с благодарным отношением к ней.

Ореол особого почитания окружал фигуру Александра II.

И всё же как раз на время его правления пришлась одна из самых вызывающих дерзостей со стороны Финляндии.

Вот история и предыстория этого инцидента.

2 июля 1808 года возле местечка Лаппо произошёл бой между русскими и шведскими войсками. Русские отступили.

С нашей стороны операцией руководил Николай Раевский – друг Василия Жуковского и Александра Пушкина, двоюродный брат Дениса Давыдова.

Надгробие генерала украшает такая надпись:

*Он был в Смоленске щит,
В Париже меч России.*

Победитель в 1812-м, Николай Раевский в 1808-м оказался пораженцем. И этот исторический момент был торжественно отмечен финнами в 1862 г. При огромном стечении народа состоялось открытие памятника во славу шведской победы.

О психологической подоплёке этой акции можно строить разные предположения.

Дух противления?

Ностальгия по прошлому?

Болезненная амбициозность?

Так или иначе, но острой реакции со стороны имперской власти не последовало – она проявила похвальную терпимость.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять очевидное: Финляндия гораздо ближе к Швеции, чем к России, – их роднит европейская система ценностей. Свечи в сущностных измерениях взяли полный реванш.

12 мая в Суоми празднуют *день финского самосознания*. Он посвящён Йохану Снельману.

6 ноября в Суоми отмечается *день шведского самосознания*. Он посвящён Густаву II Адольфу, которого – в силу необыкновенной широты его знаний и интересов – хочется назвать королём-энциклопедистом. Он много сделал во славу Швеции. Это им был подписан Столбовский мир, отрезавший Россию от Балтийского моря.

Дня русского самосознания в финском календаре нет.

РАЦИОНАЛЬНОЕ? МИСТИЧЕСКОЕ?

Вячеслав Иванов писал о русском уме:

*Он здраво судит о земле,
В мистической купаясь мгле.*

Это лучше подходит к финскому уму!

Крепостное право – надельное землепользование – коллективизация: здравомыслие в отношении к земле тут отсутствует начисто. Финн-хуторянин мудрее, софийнее русского-колхозника.

Финляндия из космоса: пахотной земли здесь мало – но она обихожена с величайшей любовью.

Россия из космоса: заброшенность полей сразу бросается в глаза. Экспансия залежей стремительна и фатальна.

Наши предки поклонялись Матери-Земле.

Потомки надругались над нею.

Пращуры чтити землю как порождающее и поглощающее лоно – она и колыбель, и могила.

Растение здесь выступает в роли евангелиста.

Пророчит о бессмертии.

Вначале нарциссы – потом апостолы.

Русские аграрные обряды варьируют мотив умирающего и воскресающего бога.

Эта тема главенствует в средиземноморских религиях.

Христианство поднимает её на немислимую высоту.

У финнов мы не найдём ничего подобного. А.С.Пушкин точно назвал их «*пасынками природы*». Можно сказать так: этот народ не ощущал

опеки космической матери – предпочитал опираться на собственные силы.

В своих «Очерках Финляндии», опубликованных в 1853 г., А.П. Милюков писал: «*В чертах финна ярко отражается твёрдость и мрачность его родных гранитов*».

Северная морена!

Это тебе не тёплый чернозём, откликнувшийся в бессознательном сладким припоминанием: похоже на материнскую утробу.

Это не *мать*, а *мачеха*.

И ты не родное дитя, а скорее приёмш.

Но финны полюбили свою скудную и холодную морену. Облагородили её! И воспели не менее вдохновенно, чем русские поэты, свою благодатную, но ныне по сути преданную ниву.

Этика землепользования – и *эстетика* землепользования: сравним их проекцию на финское и русское – честно посмотрим правде в глаза.

Иссечённая газопроводами тундра – обширные вырубки леса – отравленные реки: Россия сплошь рана – зрелище воистину эсхатологическое. Какая тут ноосфера! Это понятие, ставшее у нас модным благодаря В.И. Вернадскому, больше подходит к маленькой, но предельно гармонизированной и обустроенной Финляндии.

А сказанное в двестишии Вячеслава Иванова о мистике?

Разве Финляндия не являет нам безусловное торжество рационализма?

У русских это качество порой вызывает активное неприятие. Мы говорим: финны холодны (тогда как у нас жаркие сердца?) – финны рассудочны (нам нравится безрассудность?) – финны прижимисты (а мы сплошь благотворители?) – Подобного рода идиосинкразия – при явном отсутствии всякой терпимости, когда с порога отвергаются даже минимально отличные от нашего типа менталитеты – исподволь указывает на разнообразные комплексы: от аффекта гордыни до чувства неполноценности. Впрочем, крайности сходятся. Это разные грани одной беды, имя которой – вот: ущербность.

Конечно же, Финляндия рационалистична.

Но вместе и мистична!

Возможно, это самая глубокая финская антиномия, над которой стоит поразмышлять в Выборге.

Финляндия издревле считается страной колдунов. Северные волхвы – это они, финны.

Сейчас мы вторгаемся в крайне спорную, табуированную наукой, совершенно неисследованную область.

Есть ли у магии реальное наполнение?

Или это самообман?

Тогда странно, что иллюзия не рассеяна на протя-

жении веков – народ рассудительный и критичный, финны в случае малой эффективности магических приёмов уже давно отказались бы от них. Но говорить о полном отмирании в прогрессивной Суоми всего архаического, языческого не приходится.

Тут себя обнаруживает власть традиции?

Или имеет место нечто другое?

Позволим себе некоторые гипотезы.

Почему бы не предположить возможность настолько полного симбиоза человека и природы, что они образуют живую целостность – одно тело? И маг является органом его мышления? Тогда природа будет послушна ему.

А ведь это главная задача магии – её мистическая сверхцель: используя скрытые ресурсы, подчинить себе суровое природное окружение – и враждебное сделать дружественным.

Эти ресурсы могли становиться доступными в экстремальных условиях Севера.

Вот ещё одна гипотеза – тоже весьма рискованная. Предположим, что у финно-угорских народов есть удивительная наследственная особенность – телеологическая функция, заложенная в генотип. Она и обеспечивает обратную связь с будущим! Отсюда успешное волхвование.

Просматривая ещё несбывшееся, колдун-прорицатель исподволь регулирует поток событий – направляет его в намеченное русло.

Наши предположения не укладываются в современную парадигму. И что с того? Мистика не раз предваряла рациональное знание.

Что стоит за финской магией?

Своеобычная адаптация к условиям существования!

Нельзя исключить того вероятия, что ритмичное заклятие запускает синергетический механизм – малый сигнал приводит к большому эффекту: в среде убывает энтропия – и нарастает организованность.

Это главное для мага: умерить хаос – внести в мир *порядок*.

Сейчас мы озвучили слово, которое для многих – своего рода ключ к пониманию Суоми.

Знаменитый финский *порядок*!

Обратимся вновь к Ф.К. Дершау: «*Дома их деревянные, часто и каменные, содержатся в невероятном порядке. В кухне с невероятной аккуратностью расставлены по полкам блюда, тарелки и прочие принадлежности, везде господствует чистота, порядок и признак неусыпного смотрения. Ни на стенах, ни на полу ни пятнышка*».

Быть может, нигде на планете Земля желание оптимизировать существование – сделать его предельно удобным, гармоничным, размеренным – не

достигает такой высокой степени, как в Финляндии.

Комфорт – или уют: для финнов это нечто онтологическое – имеющее значимость базисного основания.

Культовый порядок – в разных масштабах: от кухни – до города, от садовых дорожек – до транспортной инфраструктуры государства. Если бы эту привычку распространить на всю планету! Финны как нельзя лучше подходят для обитания на планете Земля.

Вчера – маг, воздействующий на космос посредством заговорных формул; сегодня – фермер или лесозаготовитель, использующий предельно бережную для природы технику.

Это антагонисты?

Меняется форма – сохраняется содержание. В обеих своих ипостасях финн выступает как служитель порядка.

Почитание порядка – не суть важно, обеспечивается оно магическим словом или достигается техническим действием – у финнов в сути своей мистично. Порядок для них – икона Бога. Даже более того – прямая теофания.

Рационализм финнов принято связывать с их протестантским выбором.

Отметим: в Финляндии влиятелен пиетизм.

Этнопсихолог С.В. Лурье спрашивает: «однако как страна колдунов превратилась в страну пиетистов?»

Пиетизм для исследовательницы – максимально рационализированная религия: отношения с Богом строятся на договорной основе – мистический момент ощущается слабо.

Однако имеется и другое истолкование пиетизма! Ал. В. Михайлов рассматривает его «как одно из течений, подготовивших немецкий романтизм». А ведь иррациональное, мистическое в нём первенствуют. Родоначальник пиетизма Ф.Я. Шпенер призывал «пережить Бога» – выражаясь в современных терминах, выходить к нему через свою экзистенцию! А это мистический опыт.

В финском почитании порядка есть истовость. Иногда даже экзатичность! Порядок – рационален. И в то же время – как знак высшего – мистичен.

Очень точна в своём выводе С.В. Лурье: «Сама эта рациональность получает магические черты».

Это похоже на оксюмороны: *рациональная магичность – магическая рациональность*. Но именно в таком столкновении резко различных значений может содержаться истина.

Глубока душа Финляндии.

Глубока и антиномична!

Это зиждательная, позитивная, антиэнтропийная антиномичность. Она питает интереснейшую культуру, понять которую невозможно, если твой подход односторонний – и если ты любишь однозначные истины.

Здесь нужна диалектика!

Боровская комплементарность!

Способность к диалогу, раскрывающему амбивалентность противоположных смыслов!

Почему сегодня важно акцентировать эти моменты?

Думается, что в поиске согласия между Западом и Востоком нам надо преодолеть инерцию славянофильских представлений о том, что мы, русские, имеем преимущество перед всеми народами мира, ибо души у нас не разъяты рассудочным аналитизмом, обладают повышенной сочувственностью и т.д.

Полезно изучать этнические различия. Они существуют объективно. Но надо ли на них накладывать ценностный смысл? Сегодня это дурной тон.

IV. СИМФОНИЯ «ЯКОБ АРЕНБЕРГ»

1. ALLEGRO

Школа для девочек в Выборге – и женская гимназия в Сортавале: два эти здания словно рифмуются друг с другом. Расстояние не ослабляет полноты унисона. В ментальном пространстве они мгновенно образуют сцепление – располагаются рядом, свидетельствуя точностью своих созвучий о едином авторе.

Это Якоб Аренберг (1847 – 1914).

Уроженец Выборга, он возглавлял архитектурное ведомство родного города два года – с 1884 по 1886 г. Но строил здесь всю жизнь. До конца дней! Возведение спроектированного им почтамта было завершено как раз в год смерти зодчего. Это его итоговая постройка. Хочется сказать: лебединая песня. Человек широких исканий, он утвердил в ней свой окончательный приоритет – приверженность эстетике итальянского Возрождения.

Якоб Аренберг и сам был человеком ренессансного склада.

Почему сегодня и выборжцы, и сортавальцы фактически забыли о том, что столь значимый для их городов архитектор был ещё и даровитым прозаиком? В своих романах «Род из Хаапаоски» (1893) и «Наш соотечественник» (1897) он на глубокой философской основе рассматривает антиномии русско-финских отношений. Этой же теме посвящена и его виртуозно построенная новелла в письмах «Анор» (1891).

В период с 1879 по 1882 г. Якоб Аренберг издал восемь выпусков «Финского орнамента». Здесь он заявил и утвердил себя как искусствовед с этнографическим уклоном. На этой ниве зодчий ра-

ботал увлечённо и вдохновенно. Петербургская Академия художеств отметила его исследования серебряной медалью.

В фокусе интересов учёного – эстетика крестьянского быта.

Тут полезна локализация: больше всего Якоба Аренберга влекла карельская – прилегающая непосредственно к России – часть Финляндии. Вот характерное название его статьи, опубликованной в 1900 г. в журнале «Русская мысль»: «Картины из восточной жизни Финляндии».

Заинтригованный феноменом Якоба Аренберга, я поднял материал, связанный с вышивкой этого ареала. Сразу на глаза мне попала изумительная *rekkoipa* – женская сорочка из белой бумажной ткани. На груди – вышивка: строгий прямоугольник, расшитый – красным по белому – геометрическим орнаментом.

Немедля возникла ассоциация с фасадами двух учебных зданий Якоба Аренберга! Воображение нарисовало такую картину: девочки в нарядных *rekkoipa* идут на занятия – и их одежда поразительно гармонирует с декором школ.

Инвариант здесь – не только гамма, но и геометрия решения.

Конечно, моё сближение может показаться субъективным и спорным – но в плане сугубо аналитического, а не поэтического подхода. Я утверждаю: архитектор Якоб Аренберг получал творческие импульсы от карельского народного искусства – оно неисповедимо влияло на мастера. Это влияние ускользает от формализованного объяснения. Однако оно несомненно для интуиции. *Rekkoipa*, о которой шла речь, происходит из уезда Каппали Выборгской губернии. Можно сказать, что здесь действует один *Genius loci* – то бишь *Гений места*. Он направляет и иглу вышивальщицы с вдетой в неё красной нитью, и рейсфедер зодчего, в который залита красная тушь.

Общий дух!

Общее стилевое начало!

Общие вкусовые критерии!

Нам явлен сдержанный, но выразительный тип красоты.

Предвижу возражения: здания Якоба Аренберга, о которых идёт речь, принято сближать как с классической, так и с готической традицией – народное искусство не вовлекается в сферу анализа. Это устоявшийся подход. Но разве в нём не обращает на себя внимание тот момент, что тут увязываются два очень и очень разных стиля? Они не исчерпывают ресурсы эвристических сопоставлений.

Якоб Аренберг был устремлён к синтезу.

Мы знаем, что финский модерн внёс в общеевро-

пейский поток пронзительно свежие национальные струи – Якоб Аренберг является здесь если не предтечей, то своеобразной параллелью.

Это был мастер, обращённый *urbi et orbi* – его университетам присуща истинная вселенскость.

Якоб Аренберг окончил стокгольмскую Академию свободных искусств.

Потом был Париж.

Мекка художества дважды вошла в жизнь мастера – вначале приняла его как молодого и восторженного ученика, а потом дала ему возможность раскрыть свой талант на площадке Всемирной выставки 1876 г.

О, это было грандиозное событие!

Телефон Белла – свеча Яблокова – фонограф Эдисона: вот перечень эпохальных изобретений, впервые представленных тогда в Париже. Оттуда на помощь слепым двинулся с одного из стендов шрифт Брайля. В рамках выставки было сформулировано – под водительством самого Виктора Гюго – знаковое понятие авторского права.

Якоб Аренберг находился на вершине европейской культуры.

Не хуже родного Выборга он знал Венецию и Флоренцию.

Преодолевая европеоцентризм, зодчий путешествует по Малой Азии – изучает руины Милета, Эфеса, Пергама.

Потом пристально всматривается в античные памятники северного берега Африки.

Человек безусловно западных предпочтений, Якоб Аренберг никогда не проявлял ксенофобии к славянскому Востоку – изучал и его. К России он относился сдержанно, порой критично, однако старался адекватно и взвешенно оценивать все плюсы и минусы исторически предопределённого, но не фатального и не вечного симбиоза с нею.

2. ANDANTE

Как архитектор и дизайнер, Якоб Аренберг достойно представил Суоми на Московской художественно-промышленной выставке 1882 г. – участие в ней не осталось бесследным для финского ренессанса, набравшего ускорение. Контакты с русскими мастерами получили новое закрепление.

На двух этих выставках – парижской и московской – Якоб Аренберг имел возможность личного общения с двумя архитекторами, активно работавшими в качестве их оформителей – оба существенно, хотя и по-разному, содействовали выявлению и усилению национальных истоков русско-

го зодчества. Если Александр Иванович Резанов (1817 – 1887) углублялся в сторону Византии, то Иван Павлович Ропет (1845 – 1908) шёл от народных деревянных построек.

Тут важен сам вектор интереса: исходное – начальное – первичное.

Финляндия на своей почве воспроизвела – и Якоб Аренберг тут был одним из инициаторов, движителей – эти примечательные интенции.

Зарождался *национальный романтизм*, принёсший славу Финляндии.

Но вновь посмотрим из Выборга на Восток.

Сейчас в луче нашего зрения оказался Приозерск – он же Кексгольм и Корела.

Здесь в 1890 – 1892 гг. лютеранин Якоб Аренберг построил покоряющую своей красотой православную церковь Всех Святых.

Как органично слились в ней византийские, древнерусские, карельские мотивы!

Опять – синтез.

Но уже на другой основе.

Дар всемещения был в полной мере отпущен Якобу Аренбергу.

Раскрытию этого качества не в малой мере содействовал его родной Выборг. Город возник и развивался на пересечении разных культур. Шведские – и карельские, русские – и немецкие, финские – и балтские линии: здесь они образовали живой пульсирующий пучок.

Выборг быстро реагировал на всякого рода новшества. Примеривался к европейским столицам! Не хотел отставать от них. Гельсингфорс по этому критерию разительно отличался от Выборга. Он мог показаться захолустьем.

В Выборге Вольтера читали на французском, Канта на немецком, Толстого на русском языке. Ойкумена виделась отсюда во всём своём развороте.

Передав эту широту Якобу Аренбергу, город-универсал не размыл его корневых привязанностей – не оторвал от питающего субстрата – ни в коей мере не обезличил.

Наверно, это главное в личности архитектора: начало толерантной *всемирности* сочеталось в нём с просвещённым *национализмом*.

Или скажем так – в современных терминах: Якоб Аренберг был одновременно и *глобалистом*, и *регионалистом*.

Это характерно для финского ренессанса в целом: принципиальная открытость, распахнутость всему человечеству – и вместе с тем сосредоточенность, сфокусированность на родном, отеческом.

Финское *самосознание* – и *самоопределение*, *самостояние* – находились в стадии становления.

Своё должно было отстояться.

Не будет ли в этих условиях оправданной установка на определённый изоляционизм?

Таковая со всей отчётливостью проявилась в прозе Якоба Аренберга.

Отношение Финляндии к России было двойственным: как часть Империи, она позитивно взаимодействовала с нею – и в то же время дистанцировалась от неё.

Под это дистанцирование Якоб Аренберг подводил генетическую базу. В ту пору, когда он учился в Стокгольме, французским послом там был Жозеф Артюр Гобино – создатель известной расологической теории. Будущий архитектор общался с именитым дипломатом и учёным. Более того: по просьбе Ж.А. Гобино он зарисовывал черепные коробки финнов – ему позировали матросы из Раумы. Шёл сбор антропометрического материала. Предназначенный для Ж.А. Гобино, он получил весьма дискуссионную интерпретацию и со стороны блестящего рисовальщика – тот составил таблицу, из которой сделал далеко идущие выводы о нежелательности браков между скандинавами и славянами.

Сегодня подобные взгляды встречаются в штыхы. И это закономерно: мы воспринимаем их в ретроспективе фашизма – его идеологи апеллировали к Ж.А. Гобино. Однако сам французский антрополог ни в коем случае не должен зачисляться в расисты. Это было время становления научной генетики. Является ли человек исключением из животного мира? Менделевские законы распространяются на него. Абсолютное табуирование евгеники всё же надо считать перегибом.

Ж.А. Гобино развивал гипотезу полифилетического происхождения человеческих рас. Говоря иначе, мы можем развиваться не из одного, а из нескольких корней. Но ведь независимые ветви конвергируют! И это главное.

Тем не менее межрасовый дрейф генов и его последствия должны изучаться.

Результаты такого изучения пытается предвосхитить беллетристика Якоба Аренберга.

3. SCHERZO

Герой новеллы «Анор» Карл Александр Шернстед является последним представителем знатного рода. На нём может пресечься многовековое генеалогическое древо. В поисках впечатлений Карл Александр покидает Финляндию. Побывав на Кавказе, он оказывается в Венгрии. Там душит гидру революции.

Отрыв от родины – с её нарастающими либе-

ральными устремлениями – ведёт к радикальному поправению блудного сына. Вот отрывок из его тирады – будто сегодня произнесено: «*Теперь спорам и мятежам придёт конец. Управление будет идти как по маслу. Никаких левых, никакой оппозиции*».

Карл Александр умыкает из Будапешта красавицу графиню. Однако её муж, попавший в плен, вырывается из тенёт неволи – и преследует пару.

В Петербурге венгр вызывает финна на дуэль. И убивает его. Некому теперь носить гордую фамилию.

Сентенция прозрачна: потеря связи с родной почвой ведёт не только к нравственной деградации, но и к гибели.

Схожие мотивы развиваются в романе «Род из Хаапакоски».

Род обречён на вымирание.

Почему?

Синеглазый и светловолосый барон Эрик Стольшёльд-Херн имел несчастье жениться на кавказской княжне Елене Николаевне Чамитовой. Отсюда лавина несчастий. Сестра героя заключает: «*Она выбила землю из-под ног у такого когда-то гордого рода. Он увянет, пропадёт в бескрайней России уже в следующем поколении, и никто не сможет ему помочь*».

Вот чем был озабочен и автор романа, и многие его соотечественники: финскому этносу грозит ассимиляция – растворение в аморфном имперском пространстве. Оно воспринималось как нечто хаосогенное, обезличивающее. Опасность мыслилась двойко: как перетекание финского в русское – и как внедрение русского в финское.

Нет надёжных изоляторов!

Все барьеры оказываются пористыми, рыхлыми.

Ведь что такое ноосфера? Грандиозный миксер! От века веков народы смешиваются, перемешиваются. Где теперь найдёшь чистую кровь? Это нечто экзотическое. Или реликтовое.

Можно осуждать и Якоба Аренберга, и его сторонников.

Но разве схожие настроения не наблюдаются в нынешней России? Как ни кляни ксенофобов и националистов, но они всегда были – и всегда будут. Весьма вероятно, что повышенная забота о своей этнической идентичности имеет генные предпосылки – задаётся биологически. У кого-то эта программа заблокирована – у кого-то, наоборот, стала доминантой.

Перед нами антиномия.

Вечная, трагическая, предельно напряжённая антиномия!

Хотите закрыть на неё глаза?

Пожалуйста!

Но среди и больших, и малых народов мы непременно найдём людей, которые пекутся о том, чтобы сохранить национальное своеобразие. Глобализм для них – разновидность энтропии.

Пусть это реакционеры – консерваторы – ретрограды. Как угодно!

Но они есть.

И с ними надо считаться.

4. FINALE

Финская интеллигенция оказала мощное сопротивление бездушному нивелиру русификации. Якоб Аренберг находился в числе её лидеров. Он внёс весомый вклад в то, чтобы лик Финляндии был узнаваемым – не потерялся на усреднённом фоне. Это он делал, обогащая её ландшафт своими постройками – и вот что хочется сейчас подчеркнуть: дважды они соединились в уникальные ансамбли.

Кварталы Якоба Аренберга есть и в Выборге, и в Сортавале.

В Выборге такой квартал вырос на перекрёстке Крепостной и Советской улиц. Он сохранно дошёл до наших дней.

А вот в Сортавале случилась большая беда.

Два прекраснейших здания Якоба Аренберга были ориентированы на готическую кирху. Простояв 130 лет, она погибла от советского авианалёта 02.02.1940 г. – и дивный дуэт лишился своего камертона.

Быть может, мы когда-нибудь снова настроим своё восприятие на его гармонические колебания?

Позволим себе сарказм и иронию: бессмысленное, мстительное в своей сути, пропагандистское в задачах и целях уничтожение кирхи – это специфическое продолжение имперской русификации. Теперь – если быть точным – советизации. Вся чудесная Сортавала подверглась массивной русификации-советизации. В её тонко и точно выверенные ансамбли грубо вторгся ужасающий новострой. Слаженность и цельность города были непоправимо нарушены. Вот моя мечта – моя утопия: реставрация Сортавалы – возвращение ей первоначального облика.

Всё советское должно быть демонтировано.

На всех уровнях!

Это стало бы великим благом и для России, и для Финляндии.

Однако вернёмся к тем формам русификации, которые вызывали протест у Якоба Аренберга.

Начало XX века.

Традиционная лояльность Финляндии, достиг-

шая своего апогея в эпоху Александра II, начинает давать червоточины.

Для этого имеется масса оснований.

Вот один пример: финским школам спускается предписание – 40 часов в неделю выделять на изучение русского языка. Не многовато ли?

А призыв в царскую армию? Попытка лишить Финляндию её исконной привилегии вызвала бурю протестов.

Впрочем, это неоднозначная проблема: дети Суоми – и российское воинство. Финские мальчики изначально – едва ли не сразу после заключения Фридрихсгамского мира – могли сделать в России успешную военную карьеру. Перед ними открывалась зелёная улица. По ней до высших воинских званий дошли около 500 финнов.

Именно эта перспектива – внешне благоприятная, если не триумфальная – смущала Якоба Аренберга. Свою крайне скептическую позицию он выразил в романе «Наш соотечественник». Его герой Карл Александр Сегерберг определяется в элитарный пажецкий корпус. По окончании учёбы он быстро идёт вверх. Повышения в званиях следуют одно за другим. Удачливого финна благословляет сам Александр II. Чего желать лучшего? Всё хорошо!

Ах, так ли?

Писатель рисует опустошённую душу.

Человек выхолощен – остался службист.

Вновь ставится вопрос о несовместимости личностного начала и российских реалий.

Империя враждебна ценностям гуманизма! Она насаждает стереотипы – вводит в добродетель раболепие – уничтожает в людях критичность.

Якоб Аренберг убеждённо говорит о том, что его герой обречён на деградацию «*в стране, где понятия **родина** и **государь** поменялись местами, в стране, где слова **личность** и **индивидуальность** ничего не значили, где всё делалось только общими усилиями, только в коллективе, а любая инициатива могла исходить только от власть имущих*» (выделено Аренбергом. – **Ю.Л.**).

Многое в этих горьких словах остаётся злободневным. Но нельзя видеть в них абсолютную истину.

Из серого правила были яркие исключения.

Таков Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867 – 1951).

Будущий фельдмаршал поступил в Николаевское кавалерийское училище пятнадцатилетним мальчиком. Надо ли говорить о том, что рыцарское служение России не убило в нём финна? Генерал-лейтенант Русской Императорской армии стал Президентом свободной Финляндии.

Вот бесценное признание командира Гвар-

дейского кавалерийского корпуса Е.К. Арсеньева, который в своём отчёте о переговорах с регентом Финляндии от 8 мая 1919 г. пишет следующее: «*Маннергейм – уже финляндский национальный герой. Но это его не удовлетворяет. Он хотел бы сыграть большую историческую роль и в России, в которой он прослужил 30 лет и с которой его связывают тысячи нитей*».

Густав Маннергейм убеждён: победа белых в Финляндии поможет одолеть большевизм в России. Красные финны разоружены!

Налажен контакт с Н.Н. Юденичем!

Новосозданная финская армия готова двинуться на Петроград!

Но игра обстоятельств работала против России – Густав Маннергейм не смог помочь ей. На его письменном столе до конца дней стоял портрет Николая II с автографом императора.

Реальный Карл Густав Маннергейм является антитезой к вымышленному Карлу Александру Сегербергу.

Да, Якоб Аренберг испытывал определённую идиосинкразию к России имперской, великодержавной – но он знал и ценил Россию как страну высокой культуры. Этот его пиетет перед нею нашёл своё выражение в последней постройке архитектора.

Вновь бросим взор на Выборгский почтамт.

Нам предстаёт своеобразный *центон* – совокупность *цитат*: первоисточником является петербургский почтамт, построенный Николаем Александровичем Львовым (1751 – 1804).

Сравните фасады этих зданий – и вы найдёте много вариантов.

Яков Аренберг питал почтение перед Николаем Львовым.

Двух зодчих соединяет разнообразие интересов. Это были универсальные личности.

Н. А. Львов посетил Выборг в 1783 г. Он сопровождал Екатерину II. Вскоре здесь по его проекту был построен Преображенский собор.

Н. А. Львов присутствует в Выборге дважды: явно в православном храме – и неявно в почтамте Якоба Аренберга. Нет, это вполне самостоятельное произведение – но у архитекторов так ведётся искони: творчески варьировать находки друг друга. Скрытая цитата – свидетельство того, что однажды найденное может получить развитие: обрести новую жизнь в новом контексте. Это ещё и дань уважения.

Про себя я давно называю Якоба Аренберга *мастером арокных окон*.

Архитектор вдохновлялся Италией.

Окно-трифора – и венецианское окно; браман-

тово, палладианское, термальное окна: все эти классические формы никогда не заимствуются зодчим в прямом виде. Они получают индивидуальное преломление. Интересно отслеживать эти авторские отклонения, модификации. Они говорят и о творческом дерзании, и о тонкости вкуса.

Окна Якоба Аренберга смотрят на все стороны света.

В том числе и на Восток – мы созерцаем Россию. Но всё же в большей своей части – мы говорим сейчас метафорически – они *прорублены в Европу*.

Этот пушкинский парафраз весьма уместен.

Россия ныне заколачивает петровы окна – Финляндия, напротив, расширяет их.

Страна готовится вступить в НАТО.

Это будет последним – решающим – шагом в её освобождении от имперской зависимости.

Александр III однажды с негодованием задал такой вопрос: *«Финляндия есть часть России, или наоборот?»*

Хорошо бы наоборот! Конечно, не в буквальном смысле – вовсе нет. Да и не нужен такой подарок достойной и самодостаточной Финляндии.

Имеется в виду наша отторгнутость от Ойкумены. Неужели нам не дано влиться в мировое сообщество? Суоми снова идёт впереди нас.

Да будет это предуготовлением пути для России!

Ребёнком я любил подолгу глядеть в огромные окна сортавальского мужского лица. Якоб Аренберг построил его в 1901 г.

Окна-гиперболы!

В детской душе они вызывали чувство возвышенного.

Зодчий любил троякое членение структур. Различные триады всегда присутствуют в его строениях. Три окна – три арки – три пилястры: будто дантовы терцины оживают в камне.

Здания Якоба Аренберга заняли существеннейшее место в сказочной декорации моего детства. Но о глубине и многомерности их творца я узнал только сейчас.

В. ПЕНТАДА

ВЫБОРГСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ

Утром 9 июля 1906 года платформа выборгского вокзала была запружена множеством солидных мужчин. Они только что сошли с петербургского поезда. Извозчиков на всех не хватило. Многим пришлось пешком добираться до гостиницы «Бельведер». Там сразу закипели страсти. Атмосфера достигла высочайшего на-

кала. Результат вот: *«Выборгское воззвание»*. Несомненно, это один из самых пронзительных и страстных документов в русской истории – отчаянно смелый вызов существующему строю. Составили и подписали вызов депутаты Первой Государственной Думы. Она была распущена – разогнана – днём раньше.

27.04.1906 – 8.07.1906: вот короткий срок жизни первого русского парламента.

В Думу было избрано 499 человек.

В Выборг прибыло 220 человек.

России фатально не везёт с парламентаризмом.

Вдумаемся в слова из воззвания, обретшие сегодня – к досаде Клио – удручающую актуальность: *«Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберёт никакой Думы»*.

Каких замечательных людей россияне избрали в Первую Думу! Нынешние парламентарии – сервильные, корыстолюбивые, малоинтеллектуальные функционеры – являют им полный контраст.

Чего здесь удивляться?

В России планомерно иссекалось всё лучшее. Отбор шёл на серость и покорность.

Первая Дума являлась воистину народным собранием. Вот статистика – состав парламента по профессиональному признаку: *121 земледелец, 10 ремесленников, 17 фабричных рабочих, 14 торговцев, 5 фабрикантов и управляющих фабриками, 46 помещиков и управляющих имениями, 73 земских, городских и дворянских служащих, 6 священников, 14 чиновников, 39 адвокатов, 16 врачей, 7 инженеров, 16 профессоров и приват-доцентов, 3 преподавателя гимназии, 14 сельских учителей, 11 журналистов и 9 лиц неизвестных занятий*.

А вот как были представлены партии: *176 конституционных демократов, 102 представителя «Трудового союза», 23 социалиста-революционера, 2 члена Партии свободомыслящих, 33 члена польского коло, 26 мирнообновленцев, 18 социал-демократов (меньшевиков), 14 беспартийных автономистов, 12 прогрессистов, 6 членов партии демократических реформ, 100 беспартийных*.

Какой широкий и разнообразный спектр!

Многopатийность налицо – реальная, не камуфляжная. По этому важнейшему признаку отечественный парламентаризм явно деградирует.

Земельный вопрос был главным в Думе.

Его обсуждение сопровождалось накалом и перекалом эмоций.

Напряжение росло в небывалой прогрессии.

Дума шла вразнос.

И вот – роспуск.

Кратко наметим схему дискуссии – нарастание требований похоже на снежный обвал.

7 мая: кадеты предлагают передать крестьянам часть казённых, монастырских, удельных земель;

29 мая: трудовики потребовали изъять у помещиков землю – кроме того количества, что допускается трудовой нормой;

6 июня: эсеры шарахнули категорическим призывом отменить частную собственность на землю.

Терпение у власть предержащих лопнуло.

Царь издаёт запретительный приказ – Дума отвечает Выборгским воззванием.

Знаменательно, что местом для отражения удара был выбран финский Выборг – фактически он загодя промоделировал топос Русского зарубежья. И как смотрится прибытие туда опальных думцев? Как предварение эмиграции.

Многие со временем окажутся в диаспоре. Дружья перестреляют чекисты.

Почему экс-депутаты не захотели собраться в Петербурге?

Там они были бы на виду. О конспирации в строгом смысле слова здесь говорить не приходится. Но всё-таки какая-то прикрытость была необходима. Имеющая свой сейм Финляндия как бы предоставила убежище гонимым на родине русским парламентариям.

Интересная, поучительная, философски значимая ситуация!

Конечно, ретроспектива что-то нарочито подчёркивает и усиливает, накладывая на прошлое современные краски. Но это закономерно! С позиции своего опыта мы крупнённо видим то, что в 1906 году было лишь в задатке, существовало на правах возможности.

Выборгское воззвание призывает народ к гражданскому неповиновению. И ведь в сколь экстремальной форме!

Выдвигаются две установки:

– не платить налоги;

– игнорировать призыв на воинскую службу.

Процитируем воззвание: *«Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию».*

Подписантов ждала кара.

Суровая ли?

По тем временам – жестокая; по нашей мерке – на привычном фоне бесправия – пустяшная.

Выборгские возмутители спокойствия получили по три месяца тюрьмы. К сему было присовокуплено поражение в избирательных правах. Им запрети-

ли заниматься политической деятельностью. Поэтому никто из них не прошёл в будущие Думы. До 1917 года они могли бороться за свои либеральные убеждения лишь на поле теории и публицистики.

Всмотримся в лица людей, связанных с Выборгским воззванием.

Павел Николаевич Милюков (1859 – 1943): он был вдохновителем воззвания, но его подписи под текстом мы не найдём. Дело в том, что он не был избран в Первую Думу, однако из-за кулис направлял работу её кадетской фракции.

Личность глыбистая!

Автор «Трёхтомных очерков по истории русской культуры» – министр иностранных дел во Временном правительстве – редактор эмигрантских «Последних новостей»: веги биографии у П.Н. Милюкова намечены крупно и выразительно.

Было много экстремумов.

Чего стоит 1922 г., когда ценой своей жизни В.Д. Набоков спас П.Н. Милюкова от пули террориста – молодой писатель В.В. Набоков потерял отца.

Чувствуется, что П.Н. Милюков полюбил Выборг – в приснопамятном 1939 г. он произнесёт нечто спорное: *«Мне жалко финнов, но я за Выборгскую губернию».*

Редакционную комиссию, шлифовавшую текст, возглавил выдающийся юрист *Максим Моисеевич Винавер* (1863 – 1926).

Да, иудей.

Крупный деятель еврейского движения.

В Вильно он выиграл дело Блондеса, обвинённого в ритуальном убийстве.

Покровительствовал Марку Шагалу – дал ему стипендию для учёбы во Франции. Вот признательные слова мастера: *«Отец меня родил, а Винавер сделал художником. Без него я, верно, был бы фотографом в Витебске и о Париже не имел бы понятия».*

В эмиграции М.М. Винавер выступил инициатором создания Русского университета при Сорбонне.

Стяжал себе славу непримиримой борьбой с антисемитизмом.

Похоронен на кладбище Пер-Лашез.

Приведём библиографическую ссылку на книгу памяти этого человека:

М.М. Винавер и русская общественность начала 20 века.

Сборник статей П.Н. Милюкова, В.А. Маклакова, кн. В.А. Оболенского, П.П. Юренева, Н.Н. Самойлова, С.В. Познера, З.Н. Гиппиус, Г.В. Адамовича и М.Л. Кантора. Париж, 1937. 222 с.

Перечень имён говорит сам за себя.

Фёдор Фёдорович Кокошкин (1871 – 1918) вёл свой род от легендарного богатыря Редеди. Выучился на юриста в Московском университете. Выпускное сочинение называлось так: «Политика» «Аристотеля». С 1899 г. читал спецкурс по местному самоуправлению. Зарекомендовал себя блистательным идеологом земства.

Ф.Ф. Кокошкина избрали в Учредительное собрание. Оно должно было открыться 28 ноября 1917 г. Фёдор Фёдорович прибыл в Петроград из Москвы за день до открытия. На другой день он узнал: кадеты – враги народа. Партия запрещена. Больного туберкулёзом Ф.Ф. Кокошкина заключили в Петропавловскую крепость. Однако проявили милосердие – перевели в Мариинскую больницу. Лишь один день Ф.Ф. Кокошкин радовался изменившимся условиям. Но какова цена этого гуманизма? В ночь с 6 на 7 января 1918 года дверь палаты распахнулась – разъярённые матросы и солдаты учинили кровавую расправу над Ф.Ф. Кокошкиным. Такая же участь постигла его коллегу А.И. Шингарёва.

Эта ночь стала точкой отсчёта для разворачивания Красного террора. Назовём некоторые научные труды Ф.Ф. Кокошкина:

Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906.

О правах национальностей и децентрализации. М., 1906.

Областная автономия и единство России. М., 1906.

Животрепещущая проблематика!

Весной 1917 г. Ф.Ф. Кокошкин обоснованно показал: Россия не готова к всенародным выборам. Ещё не выработан механизм защиты от прихода к власти авторитарного лидера.

Как в воду смотрел!

Виктор Петрович Обнинский (1867 – 1916). В своих книгах философски осмыслил опыт Первой Думы. Его двухтомник «Новый строй» (1909) – классика русского либерализма. В посмертно изданной книге «Девяносто дней в одиночном заключении» он поведал о своих поствыборских перипетиях.

Земской гласный – председатель земской управы – участник земских съездов (1904 – 1905 гг.): эти штрихи из биографии Виктора Петровича целостно воссоздают главное в его интересах. Крупный земледелец, он ратовал за права крестьянства. Был человеком отдающим, даящим.

Через угодыя В.П. Обнинского – это Калужская

губерния – должна была пройти дорога *Москва – Варшава*.

За отчуждаемую землю хозяева получали мзду.

Виктор Петрович отказался от компенсации.

Благодарное правление железной дороги дало одному из разъездов такое название: *Обнинское*.

Теперь это город науки *Обнинск*.

Кроме трудов, связанных с политикой, Виктор Петрович оставил нам чудесные «Сказки старого гнома».

Во главе Первой Думы стоял благороднейший *Сергей Андреевич Муромцев* (1851 – 1910). Как вдохновенно запечатлел его В.А. Серов! Мы видим спикера за трибуной – кажется, что это тот миг, когда он открывает первую сессию, произнося ответственные слова: «*Совершается великое дело; воля народа получает своё выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного, законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду*».

Всё пошло прахом.

Русская интеллигенция, которую так блистательно представлял С.А. Муромцев, практически истреблена. А вместе с ней исчез, улетучился профессионализм во всех сферах, связанных с развитием общества – будь то право, экономика, управление. На смену докам пришли недоучки. Людей калибра С.А. Муромцева теперь днём с огнём не сыщешь.

Став в тридцать лет председателем Московского юридического общества, он вдумчиво и планомерно переносил на русскую почву опыт западной науки – прежде всего методологию социологического позитивизма. Это означало понимание общества как живого организма – формальные, омертвевшие в веках клише заменялись подвижным, омертвевшим анализом. Категория *интереса* – личного, общественного, государственного – вышла на первый план. Социум предстал как сложное взаимопересечение таких *интересов*. Юриспруденция должна быть адекватна этой многофакторной и многоуровневой картине. На своём примере С.А. Муромцев показал: законотворчество – именно творчество! Для занятия им нужен талант. Более того: нужна харизма. В этой области тоже есть и гении, и графоманы. Последние ныне полностью вытеснили первых. Элиминировали их!

Партия конституционных демократов – она же партия «Народной свободы» – имела в Первой Думе самую большую фракцию.

А что сегодня Парнас?

Он даже не может зарегистрироваться – и этим подтверждается горестный вывод: либерализм потерпел в России катастрофу. Однако нет сомнений:

лишь на его основе возможен подъём страны из нынешней топи. Или увязнем окончательно?

С.А. Муромцев похоронен на Донском кладбище.

Надгробие памятника спроектировал Ф.О. Шехтель.

Этот архитектор удивительно близок Э. Сааринену, который в 1913 г. из гранита построил в Выборге новый вокзал. Он сменил старый, деревянный: тот самый, который когда-то принял наших героев.

Пусть эхо Выборгского воззвания раскачает Россию.

СОРТАВАЛЬСКИЕ АЛЛЮЗИИ

Сортавала – город моего детства.

Сортавальский северный модерн сформировал мой вкус – исподволь научил трансцендировать – ненароком привил тягу к западной культуре.

Я жил в доме, построенном У. Ульбергом.

Из окна своей комнаты я видел здания Элиеля Сааринена и Пааво Утилы. Случалось, что родители иногда ездили на выходные в Выборг – тогда он входил в состав Карелии. Несмотря на смутность детских впечатлений, я испытал эффект дежавю, когда уже в зрелые годы посетил Выборг. Многое как бы узнавалось, припоминалось. Работало бессознательное. В его глубинах Выборг оставил свой след. И теперь он оживал, проявлялся.

Я здесь был?

Во сне или наяву?

Сегодня Выборг и Сердоболь сливаются для меня в один архитектурный континуум.

Это некая – путь и субъективная – целостность. На Выборг я смотрю сквозь призму своего детства.

Это моё право.

Помнится, как в советское время я тяготился отсутствием информации: никто не знал имён зодчих, построивших изумительные, казавшиеся загадочными здания. Это чужое. Если не вражеское! К чему история?

Мы жили в здании почты – некогда Объединённо-го Банка Северных стран. Как поздно я узнал, что сказку для меня построил Уно Ульберг!

Во время взрослых прогулок по Выборгу я постоянно ловил себя на сортавальских ассоциациях. Иногда они были очень точными. К примеру, я ещё не знал имени П. Утилы, но для меня было несомненно: один зодчий построил вот это сортавальское – и вот это выборгское здание.

Наития оказались верными.

Некоторые выборгские постройки очень и очень настойчиво аukaлись в памяти с образом моего сортавальского обиталища. Единство стилевого поля,

задаваемого финским модерном, я ощущал со всей непосредственностью.

Моё сортавальское гнездо – и здание фирмы «Хакман и К^О» на Северном валу, 5 в Выборге: формально они не так уж схожи друг с другом, но всем нутром я чувствовал один дух и одну руку.

Уно Ульберг!

Он мой первый наставник – творец моего ключевого мифа.

Пробуждение поэтического чувства – вот что такое для меня Уно Ульберг.

Мой самый любимый аспект в Выборге – это когда на линии одного взгляда оказываются сразу и замок, и дом фирмы «Хакман и К^О»: связь финского модерна с романеском здесь проявлена очень убедительно. Замок XIII века – и здание начала XX века: у них общая аура – общая поэтика – общая метафизика. Как если бы у архитектуры было нечто подобное генам. Они варьируют, мутируют – и всё же распознаются во множестве преобразований. Эта наследственность неизъяснима. Но она реальна.

Конечно же, Уно Ульберг настраивал свою постройку на частоты замка – и при этом остался остро современным зодчим.

Гармония исключительной глубины и красоты!

Протянем дальше визирную нить – и соединим здание фирмы «Хакман и К^О» со зданием архива. Неужели их возвёл один мастер?

Архив – чистый функционализм. Это 1933 г. Прошло почти четверть века с момента возведения здания фирмы «Хакман и К^О».

Уно Ульберг стал другим?

Да, конечно.

Однако «я» художника инвариантно во всех модификациях его почерка. Это Ульберг. И это Ульберг. И это Ульберг!

Они очень разные.

Они подчёркивают свою уникальность.

Они делают всё для того, чтобы мы думали: тут работают несколько архитекторов.

И тем не менее интуиция говорит: за этим полиморфизмом стоит одна цельная, но эволюционирующая личность.

Классицистский Николаевский собор в Хельсинки – и функционалистский архив в Выборге: общим тут будет ощущение, что оба города имеют свой Акрополь – и аналог лебединого Парфенона на его крутом скалистом возвышении.

Выборгский Парфенон воплощает строгий пифагорейский дух.

Линейная гармония!

Вспоминается Евклид: параллельные в космосе функционализма не пересекаются – ясный и рациональный, он свободен от парадоксов.

Можно представить, с каким наслаждением Уно Ульберг прочерчивал прямые линии на белом ватмане – они обретают у него необыкновенную выразительность и одухотворённость.

Они музыкальны! Самоочевидно, что их сочетания – нечто простое и экономное. Тем удивительнее, что возникает эффект полифонического звучания – каждый фасад здания даёт своё развитие темы.

Ригоризм формы – и богатство эмоционального наполнения: Уно Ульберг умел сочетать несочетаемое.

Северный модерн, часто как бы припоминающий архаику, – и безоглядный, неукротимый бросок функционализма в будущее!

Казалось бы, между этими стилями есть очевидная противоречивость, но феномен Уно Ульберга указывает на их скрытую, глубинную, нетривиальную связь.

Дом фирмы «Хакман и К^О» – и здание архива: творения одного духа, эти сооружения – при всей антистетичности заключённых в них эстетических принципов – являют готовность к выигрышному для обоих сопряжению.

Гениальное созвучье!

Удерживая в поле зрения обе постройки, невольно задумываешься о том, сколь сложные преобразования осуществлялись в душе Уно Ульберга. Однако череда метаморфоз образует единый эволюционный ряд. Он дискретен – и вместе органичен. Это вехи на пути мастера. Их несхожесть – знак того, что зодчий вёл активный поиск. У него была неутолимая потребность в обновлении своего художественного языка.

Мысленно вижу как бы из космоса: два города – Сортавала и Выборг – всматриваются друг в друга.

Иногда им кажется: они глядят в зеркало.

Удивительный пример такого подобия – не прямого, а потаённого – дают два здания Пааво Утилы, построенные в 1907 году: дом купца К. Сийтойнена в Сортавале и дом купца Ф. Москвина в Выборге. В тумане детских впечатлений выборгское здание с его необычным парным завершением еле-эле просматривается. А встреча в зрелые годы – как сильнейший гипноз: я не могу оторваться от главного фасада, попав под внушение его совершенной ритмической организации.

Помню это со всей несомненностью: ассоциации тут же замкнулись на сортавальском доме.

Я не знал тогда имени Пааво Утилы. Почему память соединила две постройки? Они очень разные. Но вот оно – поле стиля. Единое, целостное. Адекватно выражающее душу творца. Не имеющее дубликатов – абсолютно уникальное.

Оба здания были созданы в рамках одного авторского, сугубо частного канона. Это лучше

всякой дактилоскопии – художественная индивидуальность узнаётся сразу.

Завершение сортавальского здания кубоватое: четыре грани выпячиваются. Тогда как у выборгского завершение имеет противоположную топологию: как бы втянутые внутрь, грани собраны в характерные сужения.

Чувствуется стремление зодчего к оригинальности.

Он явно хочет выделиться из общего ряда.

Культурная архитектура это искони делала за счёт своеобразия покрытий. Главы, шатры, кубы: это не для бытовых построек – это отсылает нас к высшему.

Хотя Пааво Утила строил для купцов, но он внёс в свои постройки нечто храмовое, мистериальное. И я бы добавил ещё: сказочное. Это от моего детского восприятия Сортавалы. Оно оживает, возобновляется, когда я смотрю на здания Пааво Утилы.

Творчество мастера – в силу своей самобытности – уходит от аналогий. Имеется мнение: Пааво Утилы искал вдохновение в Любеке – старинном ганзейском городе. Однако при всём тщании прямых параллелей мы не найдём.

В поиске таковых предлагаю отправиться на о.Крит.

Знаменитые *рога посвящения!*

Как они похожи на то, что Пааво Утила сделал в Выборге!

Или моё сравнение субъективно?

И общее тут лишь парная симметрия?

И мне надо придержать вольный разбег ассоциаций?

Как бы то ни было, но в финском модерне есть немало штрихов, роднящих его с крито-микенским искусством.

Тут возможны весьма точные сопоставления, особенно в измерениях декора, орнамента. Спирали на вазах Крита – и спирали в рельефах Выборга: иногда кажется, что их вывела одна рука. Это неформальная конгруэнтность – это один дух, мигрирующий в тысячелетиях.

Как разнообразно варьируется спиральный мотив в зданиях Пааво Утилы! Стилизация тут достигает абсолютного изыска. Задав этим деталям критский контекст, я убеждаюсь: он органичен для них – гармония полная.

Вернёмся к сортавальско-выборгским переключениям.

Сортавальский Ф. Сёстрем – и Ф. Сёстрем выборгский. Сортавальский Я. Аренберг – и Я. Аренберг выборгский. Сортавальский Э. Сааринен – и Э. Сааринен выборгский. Сортавальский У. Ульберг – и У. Ульберг выборгский.

Сортавальский П. Уотила – и П. Уотила выборгский.
Сортавальский Э. Хуттунен – и Э. Хуттунен выборгский.

Для меня эти диады как рифмы: звучат свежо, звонко.

В сновидческом пространстве – или в пространстве воображения – нет расстояний. Туда я перенёс два своих любимых города.

Один шаг – и с площади Вяйнемёйна в Сортавале я перехожу на бастион Панцерлак в Выборге.

Это едино – это рядом.

АРХЕТИПЫ СЕВЕРНОГО МОДЕРНА

Финский *модерн* – и *архаика*: противоположности сошлись в творениях Л. Сонка, Э. Сааринена, У. Ульберга, А. Шульмана. В поисках выразительности формы рвались вперёд – а находили требуемое в древних мифах, преданиях: фольклорные мотивы и образы неожиданно обрели новую жизнь.

Пробудившееся народное самосознание стремилось высветить свои истоки.

Была открыта – и философски осмыслена – финно-угорская общность.

Фасады северного модерна – как небывалый экран: духовные искания нации словно спроецированы на их декор.

Два финских города – Сортавала и Выборг – отмечены культом «Калевалы». О Выборге можно сказать так: различными средствами здесь воссоздавалась атмосфера эпоса – многое о нём напоминает и прямо, и косвенно.

В городе были улицы Куллерво, Пеллервойнена, Айно, Сампо.

Вот характерные названия учреждений: «Похьёла», «Илмаринен».

В Монрепо мы видим памятник Вяйнемёйна работы Й. Таканена.

Выходя на вокзальную площадь, мы очарованно останавливаемся перед домом М. Пиетинена (1908) – с его стен на нас глядят поразительные маскироны. Сколько экспрессии в этой пластике! Взгляду не нужно задерживаться на деталях – черты ликов даются крупно, обобщённо: они не вырезаны – скорее вырублены.

Так героев «Калевалы» увидел А. Линдгрэн.

Автор был знаком с африканской скульптурой?

Не чуждался кубистических опытов П. Пикассо?

Декор дома фирмы «Хякли, Лаллука и К^о», построенный А. Шульманом в 1908 г., требует монографического исследования. Перед нами развёртывается сложное действие, в которое вовлечены – помимо человека – животные разных

таксонов: раки – рыбы – птицы – звери. А как дивно поданы растения!

Нам явлен храм природы – храм во славу пантеизма.

Здесь мы находим прямые отсылки к «Калевале» – автор барельефов Э. Халонен отдал должное её образам и коллизиям.

По ассоциации вспомним другой рельеф – он украшает здание университета в Турку. Скульптор Э. Кайнберг представил нам разных героев «Калевалы».

Вот кователь Илмаринен.

Вот два рунопевца, сидящих в лодке.

А это – среди людей – медведь. Он занимает место, симметричное Вяйнемёйнену; между ними – в центре композиции – мы зрим Деву воздуха, спустившуюся на воды.

Почему медведь удостоился почётно, явно выделенного положения?

Это главный тотем финно-угорских народов.

Когда зверь поднимается на задние лапы, то складывается впечатление: он обладает вертикальной походкой – и этим донельзя смахивает на человека. Не потому ли медведь первенствует в теме оборотничества? На вере в реальность подобных метаморфоз как раз и строится тотемизм.

Человек и медведь: это взаимопревратимо.

Человек легко перекидывается в медведя. И наоборот!

Медведь рисуется как первопредок.

Это он принёс огонь людям.

После смерти человека медведь содействует его новому рождению.

Медведю приписывается и космическое происхождение, и космические функции.

Манси считают: медведь – сын верховного бога Нуми-Торума. Ему не разрешали выходить из небесного дома. Однако он ослушался – переступил порог – и ошеломлённо увидел сверху Землю, покрытую лесом.

Медведя потянуло вниз! Отец вынужден был спустить его на длинной цепи. Но медведь и сейчас не потерял связи с небом. Посредническая функция зверя – важнейшая черта космоизма, соприщущего мироощущению финно-угров.

Обратимся к саамам.

Солнце-Пейво меняет свою тягу трижды: утром его движет медведь, днём – олень-бык, вечером – олениха-важенка.

Позволим себе неологизм: *урсолатрия* – поклонение медведю.

Выборг можно назвать городом *урсолатрии*.

Некогда арку городского вокзала украшали две пары медведей.

Изваяла их Эва Мария Гюльден.

В 1913 г., когда перед новёхоньким зданием – шедевром Э. Сааринена и Г. Гезеллиуса – торжественно перерезали ленточку, скульптору было всего 26 лет.

Блистательный анималист!

Не хуже нашего В.А. Ватагина.

Объёмы зверей намечены скупно, экономно. Но сколь точно схвачен характер животных! Или скажем так: ваятельница передана их этология – она нашла пластические средства для того, чтобы выразить неповторимые, сразу узнаваемые особенности поведения. Как точнее изъясниться? В скульптурах запечатлена манера медведя держать себя! Будто вокруг не дома, рельсы, паровозы, а родной задебранный лес, куда не заглядывал человек.

Медведи-стражники глядят на нас с карнизов дома купца Д.М. Маркелова. Его в 1903 г. построил А. Шульман.

Конечно же, самый знаменитый выборгский медведь нам явлен в изумительной композиции Ю. Лиипола «Лесной мальчик» (1932). Она посвящена теме покорения природы. Это не столько грубый её захват, сколько постепенное и терпеливое привлечение на свою сторону – попытка сделать её союзницей, сотрудницей. Финляндии удалось решить эту ноосферную задачу.

Медведь в статуе Ю. Лиипола не выказывает сильного сопротивления. Он немного упрямится? Похоже, что да. Но в этом ракурсе кажется: мишка лихо топает за мальчиком. Не отказаться ли от привязи?

Вернёмся на выборгский вокзал – не нынешний, а прошлый.

Глядите: за каждой парой медведей стоит Дева. Символика понятна – как и мальчик в скульптуре Ю. Лиипола, она указывает на торжество духа над природой. Мудрая виктория! Медведи не замечают присутствия человека. С предельным тактом носитель разума входит в природную среду, не руша главного – не возмущая жизнетворческих основ. Что-то взяв для своих нужд, он обязательно возвращает сторицей.

Какая необходимость обусловила уничтожение одного из лучших вокзалов Европы в 1941 г.? Тупое, нелепое, бессмысленное варварство!

Сталинское = энтропийное.

Сталинское = хаосогенное.

Сталинское = смертоносное.

Этого у нас и сегодня вдоволь.

Освободимся ли от погибельного наследия?

Дева рядом с медведями – и в Турку, и в Выборге: обратим своё внимание на неё. Вспомним первую руну «Калевалы»:

*Дочь воздушного пространства,
Стройное дитя творенья,
Долго девой оставалась,
Долгий век жила в девицах
Средь воздушного простора,
В растянувшихся равнинах.*

Мифологические девы в декоре Выборга излучают магическое очарование.

Рядом с вокзалом находится дом фирмы «Сыновья Ф. Сергеева и К^о» (П.Утила, 1908). В трижды повторённом образе девушки используются приёмы геометризации. Это умаляет поэзию? Ничуть! Получается обратный эффект. Играя абстрактными формами, П. Утила создаёт нечто лиричное, вызывающее сердечный отклик.

Совы для северного модерна – своего рода лейтмотив: прозвучало в Хельсинки – отозвалось в Петербурге – аукнулось в Выборге.

Коллекционирую сов северного модерна.

Устроив своего рода рейтинг, я пришёл к выводу: самая мистическая сова – самая ошеломительная в своём художественном решении – выбрала для гнездования Выборг.

Вещую птицу мы можем увидеть на фасаде дома № 8 по улице Тургенева (архитектор О. Вартиоваара, 1909). Образ гипнотической силы! Мемориальная доска, изгадившая сказочно прекрасный фасад, уведомляет: здесь бывал В.И. Ленин. Но этот факт кажется ничтожным перед великолепием явленного нам декора! Чистое искусство довлеет над грязной политикой.

В контрапункт совам дом украшен ещё и чудесными лирами.

Струнное!

Переливное!

Лири Орфея возвращает нас к кантеле Вяйнемёйнена. В оркестре Выборга оба инструмента ведут весьма значимые партии – их дуэт воодушевляет.

Эллинское и финское вновь переплелись.

Суоми со всем основанием ощущает себя европейкой.

ШКОЛА ИСКУССТВ

Вдобрые финские времена Выборг был эстетствующим городом. Здесь любили искусство и культивировали его.

Тянулись к Петербургу. Но наезжали и в Париж! Финские художники часто получали двойную школу. Мюнхен тоже был популярен. Картины везли из всех европейских центров искусства.

Выборжцы отличались хорошим вкусом. И уни-

Ээро Ярнефельт. Подневольный труд

версальностью интересов: ценили академическое – не отвергали авангардное.

Мы уже вспоминали родившегося в Выборге Ээро Ярнефельта (1863 – 1937). Одна из его самых известных картин подаётся в России под названием «Подневольный труд». Даже Максим Горький предложил свою интерпретацию – цитируем первоисточник: «Деревня сгорела, и в пепелище её роются люди, оставшиеся без крова. Девочка, с лицом в саже и тупым от испуга, смотрит с полотна на публику большими, жалкими глазами... Всюду – огонь, дым, головни, среди них молчаливые, согбенные, выпачканные в саже и копоти люди пытаются спасти хоть что-нибудь».

Не то!

Совсем не то!

На картине изображена *пожога* – подготовка почвы для посева. Именно этим словом – никаким другим – надо переводить название картины.

Значение этого полотна Ээро Ярнефельта огромно. Освоение Севера человеком – тема воистину эпическая. Тут не до буквोलки! Художник показывает на своём полотне, чего стоит на наших широтах каждая полоска пахотной земли – она полита потом и

кровью, в неё вложены колоссальные усилия.

Можно спорить с теорией географического детерминизма. Но думается, что Ээро Ярнефельт встал бы на её сторону: среда исподволь влияет на менталитет этносов – глубинно отражается в характерах, в стиле жизни, в ценностных предпочтениях.

Ландшафт страны – и душа народа: сродство здесь тонкое, неуловимое. Но оно реально. Хотя и не поддаётся формализации. Впрочем, нужна ли она? Доверимся неопровержимым свидетельствам искусства.

Природу Финляндии Ээро Ярнефельт знал досконально. Картина «Ястребы в лесу» выдаёт в художнике настоящего натуралиста.

Но это никак не иллюстрация! Картина мистериальна. Она творит свой миф – веет на нас магией.

Изумительно воссоздан ледниковый ландшафт. Эти валуны в зорочьях мха и лишайника! Художник передаёт зрителю свой душевный трепет. Чувствуете живую вибрацию красок на полотне мастера? Отношение его к природе хочется назвать молитвенным. Будто перед ним не просто глыбы, а некие алтари с фресковой живописью, запечатлевшей множество нимбов. Именно так смотрятся кружева пармелий.

А две эти птицы?

Не иначе как тотемы! Мы готовы к тому, что сейчас они исчезнут – и на их месте появятся шаман с шаманкой.

К числу своих любимейших картин отношу полотно Ээро Ярнефельта «Водяной лютик и прибрежные камни». Сколь необычный экотоп выбрал собрат известнейшего лугового растения! Биологически точная, картина в то же время производит впечатление чего-то фантастического, невозможного – нам явлена одна из самых заветных сказок Севера.

В 1890 г. создаётся общество «Выборгские друзья искусства». По его почину через год была открыта

Хуго Симберг. Раненый ангел

художественная школа. В будущем она прогремит славными именами.

Как раз в год открытия школы её стал посещать Хуго Симберг (1873 – 1917). Через восемь лет он вернётся сюда уже в качестве учителя.

Это бездонный художник!

Его картина «Раненый ангел» – самая загадочная на Земле. Какая трагическая коллизия лежит в её основе? Наверное, это беда невиданного – воистину всемирного, или даже надмирного – масштаба. Ведь потери несут – и это впервые – превыспренность небеса.

Кто поразил ангела?

Успеют ли два мальчика донести его живым до лаврета?

Помогут ли нездешнему существу – хрупкому, почти невесомому – наши лекарства?

В картине резко смещены уровни: посясторонний и запредельный – преходящий и вневременной – плотный и тонкий. Этим создаётся необыкновенно сильный эффект остранения.

Художника влекло краевое, порубежное. Граница бытия и небытия: здесь он любил располагать свой мольберт.

Философична «Река жизни». Её плавно и мерно изгибающаяся лента кажется бесконечной. Но в каком русле теперь текут невозмутимые воды? И воды ли это? Быть может, пятый элемент – аристотелева квинтэссенция. Книжки, погруженные в ладью: они будут читаться уже в вечности. Не хватит срока прочесть их *здесь и сейчас* – остаётся надеяться на зыбкие *там и потом*.

Ироничен и саркастичен «Сад смерти». Что за суккуленты выращиваются внутри его ограды? Кажется, что художник адаптировал себя к неизбежному уходу – предчувствовал раннюю смерть. Потому и заигрывал с нею в своих картинах – старался сделать менее страшной, обезоруживал

улыбкой. Помогло ли?

Детские образы у финских художников порой потрясают своим экзистенциальным напряжением. Девочка в «Пожоге» Ээро Ярнефельта – и повернувшийся к нам мальчик из «Раненого ангела» Хуго Симберга: сейчас на мне перекрестились их взгляды. Сила у них гипнотическая! Почему художники препоручили именно детям воплотить и выразить боль существования?

Однажды выборжцев осенила идея: разместить под общей крышей два художественных учреждения – музей и школу.

Заказ получил Уно Ульберг.

12 октября 1830 года – в присутствии президента Финляндии Лаури Кристиана Реландера – комплекс был открыт.

Потрясающее здание!

Будто веер раскрывается над морем – или пальма раскидывает узкие листья – или лучи образуют конус рассеивания.

Структуры, лежащие в основе наших метафор, хорошо накладываются друг на друга – и совпадают: инвариантом тут будет идея расширения, раздвижения.

БИБЛИОТЕКА АЛВАРА ААЛТО

Музей-школа словно хочет охватить всю Ойкумену – объять её во всём диапазоне, принять и вобрать накопления мировой культуры.

Это чувство распаханности нарастает при движении от входа к колоннаде.

Напротив: при обратном движении ловишь себя на ощущении концентрации, стягивания, фокусировки.

Излучение или поглощение?

Экспансия духа или его сосредоточение?

Здание амбивалентно в том смысле, что благодаря своей динамичной архитектонике даёт возможность пережить и то, и другое – будто вместе с ним ты делаешь и вдох, и выдох.

Семантический нюанс можно усмотреть и в том, что здание разворачивается на Запад, как бы симболизируя европейскую ориентацию Финляндии.

Для укрепления своей страны в этом выборе много сделал Карл Густав Маннергейм.

И его род, и он сам тесно связаны с Viipurī.

Сюда в 1938 году председатель Совета обороны Финляндии К.Г. Маннергейм прибыл по серьёзному поводу: праздновалось двадцатилетие освобождения города от красных.

Фотографии запечатлели помпезное торжество.

Что на этих улицах будет твориться через два года?

Страшно представить!

Как раз в мирном 1938 г. выборгскую школу искусств закончит скульптор Аймо Тукиайнен (1917 – 1991).

Успешному выпускнику предстоит создать конную статую К.Г. Маннергейма. Идея создания такого памятника оформилась ещё при жизни маршала в 1937 г. До его воплощения в реальность пройдёт 23 года.

Прижизненный памятник?

К.Г. Маннергейм был гордым, но не амбициозным человеком. Он смиренно понимал: судьба сделала его символом Финляндии – страна нуждалась в герое, воплощающем идею единства нации. Кто кроме К.Г. Маннергейма мог претендовать на эту роль?

В Финляндии ещё не было конных памятников. Такое решение как нельзя лучше подходило к образу К.Г. Маннергейма. Он знал толк в племенных лошадях. Даже завёл конный завод при своём имени. Мастер верховой езды, К.Г. Маннергейм командовал конным полком. Во время китайской экспедиции (1906 – 1908) он проделал 14 тысяч километров верхом.

Уверен: когда-нибудь и в Выборге появится памятник маршалу – тоже конный.

Представим себе парник строго квадратной формы.

Он плотно набит отменным чернозёмом.

Ни одного ростка!

Пустая однородная поверхность – и больше ничего.

Однако из почвенной тьмы скоро поднимутся конструктивно сложные, разнообразно и многокрасочно цветущие растения.

Это предпринятая мной натуралистическая трансформация «Чёрного квадрата» К.С. Малевича.

Скольким школам и течениям он дал жизнь! В том числе на его ниве пророс и функционализм.

Этот стиль мы знаем в разных изводах.

Вот оголённый до чистой геометрии функционализм Вальтера Гропиуса.

Вот функционализм Ле Корбюзье, норовящий найти оплот и поддержку для своей эстетики в механизмах – хочется здания поставить на колёса или снабдить пропеллерами.

А вот функционализм Алвара Аалто: одухотворённый – летящий – парящий; спокойный, уравновешенный в этой полётности – но где-то и экзотический, затаённо порывный; влюблённый в неколебимые сингонии алмаза – но уже открывший в себе возможность живого роста и развития.

Торец служебного крыла библиотеки Алвара Аалто в Выборге – тот, что находится рядом с портиком входа – являет из себя сплошную стеклянную стену: свет сквозь неё проникает в фойе и падает на лестницу – снаружи без всякого рентгена видишь нутро огромного пространства.

Эту стену называют витражом, хотя никаких изображений на ней нет. Расстеклована она – как разливана: девять клеток в одном ряду по вертикали – и одиннадцать по горизонтали.

Так что получается прямоугольник.

Однако имеется ракурс – заметим: очень выигранный – когда торец кажется квадратным.

Прозрачный квадрат Алвара Аалто!

Свою родословную он ведёт от знаменитого чёрного предка.

Пифагор говорил: «Числа правят миром».

Эта формула вполне подходит для функционализма. Пропорция – модуль – мера: за каждым из этих понятий стоят числа. Архитектура даёт им наглядное выражение.

Вспомним надпись, висевшую над входом в Академию Платона: «*Да не войдёт сюда не знающий геометрии*». Этот девиз хочется соотнести и с мастерской Алвара Аалто.

Богоравная Точка!
Креативная Линия!
Зиждательная Плоскость!
Космогонический Объём!

Простота «Чёрного квадрата» – как откровение: мы внове осознали красоту ключевых понятий геометрии – уверенно взяли в свои руки линейку и циркуль, с помощью которых творился мир.

Зодчество Алвара Аалто возобновляет и усиливает эти ощущения.

Библиотека в Выборге – как святилище: Бог-геометр здесь подходит к нам вплотную – мы можем общаться с Ним.

Число и Слово: Николай Гумилёв противопоставляет их. Вспомним его стихи:

*А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передаёт.*

Мир Алвара Аалто логоцентричен?

Функционализм сух и стерилен?

В этом виновато *Ratio*?

Но ведь число и мистично!

Ещё из Пифагора: «*Числа – душа мира*».

Душа, пневма!

Геометрия и в своём чистом виде, и в своей архитектурной ипостаси способна вызывать экстаз.

Мы снова возвращаемся к вопросу о соотношении рационального и мистического в финском менталитете.

Да, Алвар Аалто – великий рационалист в архитектуре.

Но он ещё и визионер!

Гений финских волхвов порой пробуждался в мастере.

И тогда он испытывал озарение.

И эти инсайты предопределяли подъёмы его творческого пути.

Вот Алвар Аалто смотрит на земельный участок, отведённый под его будущее ателье, – и видит античный амфитеатр.

Художник уверовал в собственный миф. И что здесь доводы археолога? Мастер был убеждён: копни поглубже – если не почву, то бессознательное – и выйдешь на эллинское строение. Прекрасная фантазия угадывается в архитектуре выросшего здесь здания.

Другое видение, пришедшее во сне: холм с террасными склонами – и над ним сонм солнц.

В сто тысяч солнц закат пылал...

В. Маяковский

Претворение сна – потолок выборгской библиотеки: множество разверстых в небо окон-иллюминаторов – льющийся через них свет.

Перенести бы библиотеку Алвара Аалто на Тропик Рака!

Тогда в день летнего солнцестояния *Aurinko* изливает свои лучи по вертикали. Что бы творилось в интерьере библиотеки?

Феерия!

Мистерия!

Вижу Алвара Аалто рядом с Эхнатомом – слышу, как под сводами библиотеки звучат гимны фараона-реформатора.

Алвар Аалто возвёл в Выборге ошеломительный солнцепоклоннический храм.

Почему в здании Алвара Аалто настойчиво вспоминается Башня Эйнштейна, построенная Э. Мендельсоном в 1919 – 1924 гг.?

Первая – библиотека, вторая – астрофизическая обсерватория. Два шедевра – функционалистский и экспрессионистский – созвучны друг другу, ибо оба пробуждают *космическое чувство*.

Окна-линзы Алвара Аалто!

Будто над тобой окуляры, в которых ты можешь увидеть иные миры.

Возможно и такое: не только ты смотришь снизу вверх – и на тебя глядят сверху вниз.

Но кто?

Аалтовские окна мы дерзаем сравнить с фасеточными глазами Бога.

Люблю оказываться под их гипнозом.

Волнообразный потолок в лекционном зале библиотеки – другая гениальная новация Алвара Аалто: евклидова геометрия здесь переходит в геометрию неевклидову – функционализм начинает вынашивать в себе *органическую архитектуру*.

Криволинейная симметрия – признак живого: будто биоимпульсы пробегают по планкам покрытия.

В пифагоровой классификации противоположностей мы находим и пару *прямизна-кривизна*. Библиотека Алвара Аалто – как эксперимент по их согласованию: успех очевиден.

Статика кристалла – и динамика волн: это можно соединить, породив гармонию.

Поселиться бы в библиотеке Алвара Аалто!

Ночью лечь на пол – и глядеть в самые удивительные окна Ойкумены. Каждое сейчас – телескоп Максудова.

Как много цивилизаций в окрестностях Полярной звезды!

Добрые излучения Вселенной находят в тебе свой фокус.

Ты их средоточие.

Библиотека снимается с якорей – и белым плавром взмывает ввысь: как далеко унесёт её солнечный ветер?

РЕТРОСПЕКТИВА (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

В 1910 г. в Выборге воздвигнут памятник Петру I работы скульптора Л.А. Бернштама. Для него выбрана высокая и эффектная точка – этим ненароком задана ценностная иерархия: наверху – российский император, внизу – шведский маршал.

Первый как бы подминает второго.

Нетрудно найти положение, когда покажется: взгляды Петра I и Торгильса Кнутссона пересекаются на тебе.

Форпост западной цивилизации на Востоке, Выборг в полной мере ощутил на себе: какой это крест – быть предметом территориальных споров. Никак нельзя сказать, что он часто переходил из рук в руки: с 1293 по 1710 г. это устойчиво шведский город-твердыня, на который Россия покушалась многократно, но до дней Петра без успеха.

В начале 1808 г. Наполеон дал своему будущему противнику Александру I мудрый совет: «отдалить шведов от своей столицы». Этот мотив повторится на исходе тридцатых годов XX века. Но теперь отдалять будут финнов.

Наполеон шёл далеко: он считал, что Россия должна присоединить к себе не только Финляндию, но и всю Швецию – включая Стокгольм.

Интересный проект!

Как бы выглядела наша история в случае его реализации?

Вот мы отметили двухсотлетний юбилей Отечественной войны 1812 г.

Это было: французские войска оставляют Москву – русские войска вступают в Париж.

В наших глазах человек, дважды просивший руки у сестёр Александра I – Екатерины Павловны и Анны Павловны – остаётся его непримиримым антагонистом. Смертельным врагом России!

Но в 1808 г. Наполеон – друг и соратник.

Доброхот нашего отечества!

И ещё какой!

Скажем прямо: с его подачи Финляндия стала частью Российской Империи. Роль Наполеона тут была решающей.

В 1811 г. Выборг ещё раз изменил свой статус – не радикально, но существенно: он вошёл в состав Великого княжества Финляндского.

Это следствие Фридрихсгамского мирного договора (1809).

Воистину судьбоносное для Выборга следствие! Финское соединилось с финским.

Тогда об этом говорили так: *Старая Финляндия* (Выборгское наместничество) слилась с *Новой Финляндией* (отторгнутое от Швеции).

Подчеркнём этот очевидный, но порой поверхностно понимаемый факт:

– Старая Финляндия – *наша* с 1710 г.;

– Новая Финляндия – *наша* с 1809 г.

Территориальные перетасовки 1811 г. аукнутся в 1917 г.: петровское завоевание станет для нас границей вкупе с александровским обретением.

Обе метаморфозы – благо для Выборга:

– восстановление связей города с исконной Суоми в 1811 г. содействовало небывалому расцвету финской культуры;

– благословлённый В.И. Лениным выход Финляндии из состава России обеспечил свободное развитие Выборга на 23 года вперёд.

В 1940 г. Выборг становится советским.

1940 – 1944 гг.: финны отбивают свой любимый *Viipuri* – и теперь мы видим, что почти весь военный период их не оставляет чувство: реванш окончательный – Выборг больше никогда не смогут отторгнуть от Финляндии.

Вот два поразительных факта, свидетельствующих об этом трагическом самообмане:

– грандиозное здание хлебокомбината, возведённое по проекту Эрки Хуттунена в 1932 г. на берегу моря, оказалось уязвимым для советских радиоуправляемых мин – летом 1941 г. ему были нанесены серьёзные повреждения; тем не менее, не смущаясь экстремальной обстановкой, финны полностью восстановили его;

– в 1938 г. архитектор Олли Пёюрю выиграл конкурс на здание страховой компании «Карьяла». Начавшаяся война прервала возведение красавца небоскрёба, воплотившего в себе дух авангардистской эстетики; война была в разгаре; однако финны в 1943 г. завершили строительные работы – великолепное сооружение обживали уже советские люди.

В 1944 г. Выборг отпал от Финляндии. Что было дальше – говорить не хочется: уродливые новостройки – мерзость запустения – упадок.

Всё же чей Выборг?

По кругу мы возвращаемся к главному для нас вопросу.

Для прояснения истины покопаемся в этимологии.

Иоакимовская летопись, известная только по пересказу В.Н. Татищева, повествует о новгородском старейшине Гостомысле – якобы он построил у моря город, назвав его в честь своего сына *Выбором*.

Было такое имя?

В Датском королевстве тоже есть Выборг. Тут смысл однозначен: «Святая крепость» по-нормандски.

Вторая версия производит впечатление вполне правдоподобной.

Новгородцы продвигались на Запад – шведы расширялись на Восток.

Когда-то новгородские владения простирались до Турку.

Финский *Турку* – от русского «торг». Почти «Торжок» – смысл общий.

Шведы оттеснили русских.

Выборг стал – как препона: восточный поток разбивался о него. Через крепость русский вал перекатился только в петровское время. Но подступов было немало. Уже через год после создания Выборга новгородские дружины пытались осадить его. Безуспешно!

В 1322 г. русские снова придвинулись к Выборгу. Опять неудача.

В 1351 г. новгородцам удалось разгромить Выборгский посад. Враг вышел из крепости – принял бой – и, понеся большие потери, ретировался: цитадель осталась недоступной.

30 ноября 1495 г. вошло в легенду: при штурме Выборгской крепости взорвалась одна из её башен, где хранился порох.

Запал подвели осаждённые?

Или имел место несчастный случай?

«*Viipurin rämaus*» – «Выборгский гром»: так этот день означен в памяти горожан.

В 1706 г. Пётр I хотел взять Выборг с суши, однако быстро понял: это надо делать с моря. В 1710 г. к войску добавили флот. Чем и обеспечили викторию.

Швеция не раз пыталась отбить Выборг.

Вот самый известный прецедент.

Летом 1790 г. в акватории Выборгского залива две эскадры – русская под командованием адмирала П.В. Чичагова и шведская под водительством короля Густава III – вступили в ожесточённый бой.

Шведы были разгромлены.

Надменный сосед!

Тяжба с ним длилась почти тысячелетие. Историю русско-шведских войн – многое здесь было завязано на Выборге – интересно представить как ретроспективу мирных договоров. Заключались они *навечно* – держались порой недолго.

Сколько раз шведы покушались на Ладугу – первую столицу Руси!

Вот отместка: карело-новгородское войско разрушило в 1187 г. шведскую столицу Сигтуну.

А переметчивая судьба Корелы-Кексгольма?

А четыре крестовых похода шведов на Русь?

Запад наступал – Восток оборонялся.

Наступал Восток – оборонялся Запад.

Тут есть ритм!

Могучая пульсация!

Волновое колебание!

Мирный договор – как преходящее успокоение. Но это плюс: поиск компромисса.

Первый мирный договор со Швецией был заключён в 1323 г. в Ореховце. Отсюда его название: Ореховецкий мир.

За год до этого новгородский князь Юрий III Данилович ходил на Выборг. Вернулся с пленниками: кого повесили – кого отправили на Суздальщину. Предвидя расплату, князь в истоке Невы построил город-крепость: ждал ратей – явились шведские послы с мирным предложением. Вот цитата из договора – речь идёт о границе: «*От Сестрее мох, середе мха гора, оттоле Сая река*».

Через двадцать лет шведы нарушили мир. Полгода они удерживали Ореховец. Наши ударили по Выборгу. Квита! Поколебленное равновесие восстановилось. Ореховецкий договор был подтверждён. А в 1468 г. в Выборге его продлили.

В конце XVI века отношения вновь резко обострились. Но опять удалось договориться. В Тязвино – это недалеко от Нарвы – подписали «вечный мир».

Вот некоторые статьи Тязвинского договора:

Швеция возвратила России замок Кексгольм со всеми прилегающими землями и уездами, которые ранее принадлежали Великому Новгороду: Ивангородом, Ямом, Копорьем, Нотебургом, Ладогой. Кроме того, обязалась не нападать на Псков, Холмогоры, а также земли Двины (Соловецкий монастырь, Сумский Посад, Каргополь и Кола).

В свою очередь, Россия обязалась не развязывать войну против Швеции, Финляндии, Выборга, Нейшлота или других замков и провинций, расположенных в Финляндии, либо замков Эстляндии, Нарвы, Везенберга, Толсборга, Ревеля, Лодде, Леаля, Гапсаля, Падиса, Боркгольма, Нейшлота и Фикелла, а также против Каянской земли и Лапландии.

Купцам из других государств разрешалось вести торговлю с русскими только через Выборг и Ревель.

Смутное время внесло новые краски в нашу тему.

Надеясь на помощь шведов в борьбе с поляками, Василий Шуйский в 1609 г. заложил Корелу – уступил её Карлу IX. Русские послы обсуждали этот вопрос в Выборге. Порешили на сём: «*Город Корела очистить и отдать свейскому королю*».

Однако союзники исподволь превращались в противников.

Вынашивался замысел: посадить на русский трон Карла Филиппа – сына Карла IX, тогда ещё выюноши.

Долго тянули шведы с этим вопросом.

Королева Кристина противилась идее – выдвигала два резона: во-первых, мальчик должен доучиться; во-вторых, всё же рискованно глухой осенью – при постоянных штормах – добираться до русской границы.

И всё-таки в 1613 г. потенциальный родоначальник новой русской династии прибыл в Выборг.

Опоздал!

Мысленно представим себе на одной прямой Выборг и Кострому. Сейчас эта прямая – как равноплечные весы.

Перетянула Кострома!

На престол взошёл юный Михаил Романов.

А ведь было – было! – другое вероятие.

Шведы ещё удерживали Новгород. Они сильны и напористы. А Москва – на излёте сил.

И тем не менее в 1617 г. в Столбово – недалеко от Тихвина – подписывается новый мир. Ему предшествовали два месяца бурных дебатов. Якоб Делагарди обошёл в дипломатическом мастерстве князя Д.И. Мезецкого. Соглашение оказалось невыгодным для России. Да, Новгородчину ей вернули, но за чертой русской границы оказались Ивангород, Ям, Копорье, Корела, Ореховец.

Надо было ещё и выложить Швеции 20000 серебряных рублей – огромную по тем временам сумму. Унизительно!

В 1656 г. русский стольник П.И. Потёмкин пытался захватить шведские крепости Ниеншанц и Шлиссельбург – наш Ореховец.

Пришлось отступить.

До Петровой эпохи!

В 1721 г. Ништадтский мирный договор закрепил русскую победу в Северной войне.

Новое положение Выборга легитимизировано.

Спустя века Новгород Великий берёт реванш в западном прорыве Санкт-Петербурга.

Недавно закончилась реставрация Летнего сада. Мраморные статуи заменены искусными копиями. И лишь один оригинал остался на месте. Это скульптура П. Баратты «Ништадтский мир».

Путь в Балтику обеспечен.

Петру отпущено ещё четыре года жизни.

Остаётся 78 лет до очередного – теперь Фридрихсгамского – договора, который откроет и перед Выборгом, и перед всей Финляндией новые уникальные возможности.

□

Юрий Владимирович ЛИННИК

родился в 1944 году в Беломорске.

Ученый, доктор философских наук,

профессор КГПА,

автор многих книг стихов и прозы, искусствоведческих книг,

книг для детей о природе.

Член Союза писателей с 1970 года.

Живет в Петрозаводске.

